

18+

Сборник рассказов

Добро пожаловать в
Последний оплот

Сборник Рассказов

**Добро пожаловать
в Последний оплот**

«Издательские решения»

Рассказов С.

Добро пожаловать в Последний оплот / С. Рассказов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674978-8

У любого замка есть история, у этого замка она покрыта тайнами. Летцефестунг долгое время был заброшен, но его отреставрировали и даже пригласили первую экскурсию. На нее приехали туристы из разных уголков мира, каждый со своей целью. Только, чтобы достичь ее им придется столкнуться со странностями и не только. Вы слышите? Часы пробили двенадцать. А значит, все началось...

ISBN 978-5-00-674978-8

© Рассказов С.
© Издательские решения

Содержание

НОННА	6
ГРИГОРИЙ	18
КАТЯ	28
МАРГО И ПРОФЕССОР	40
КАРИНА	58
МАНИ-ФАНИ	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Добро пожаловать в Последний оплот

Авторы: Рассказов Сборник, Краснопеева Наташа, Яскович Анна, Еремеева Юлия, Близницова Инна, Саламайкина Екатерина, Бекиш Елена Аркадьевна, Орешкина Елизавета, Моргунова Марина, Гекк Ирина, Смирнова Алёна, Турбан Алеся, Ломакина Ирина Евгеньевна, Кузнецова Маргарита, Богданов Юрий Александрович, Деми Диника, Оман Евгения, Протасюк Мария, Никишина Алёна

Составитель Жанна Диченко

Составитель Вера Шаршукова

Составитель Евгения Оман

Корректор Лиза Глум

Иллюстратор Евгения Жугина

- © Сборник Рассказов, 2025
- © Наташа Краснопеева, 2025
- © Анна Яскович, 2025
- © Юлия Еремеева, 2025
- © Инна Близницова, 2025
- © Екатерина Саламайкина, 2025
- © Елена Аркадьевна Бекиш, 2025
- © Елизавета Орешкина, 2025
- © Марина Моргунова, 2025
- © Ирина Гекк, 2025
- © Алёна Смирнова, 2025
- © Алеся Турбан, 2025
- © Ирина Евгеньевна Ломакина, 2025
- © Маргарита Кузнецова, 2025
- © Юрий Александрович Богданов, 2025
- © Диника Деми, 2025
- © Евгения Оман, 2025
- © Мария Протасюк, 2025
- © Алёна Никишина, 2025
- © Жанна Диченко, составитель, 2025
- © Вера Шаршукова, составитель, 2025
- © Евгения Оман, составитель, 2025
- © Евгения Жугина, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-4978-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОННА

Наташа Краснопеева

Глава 0. Замок мечты

Сколько себя помнила, Нонна Викторовна Загребайло любила вкусно поесть, разводить герань и мечтала выйти замуж за европейца. И непременно, чтобы собственный замок у подножья Альп был, чтобы спускалась она по лестнице в шелковом пеньюаре к завтраку, вокруг прислуга металась, поднося одно кушанье за другим. А она знай себе приказы отдавала, бланманже с ананасами кушала, изящно оттопырив мизинчик, да герань в оранжерее в свободное время окучивала.

С замками и европейцами в родном городе было туго, а интернет во времена ее молодости еще не протянул свои хищные лапы так далеко от столицы. Нонна повзрослела, задвинула мечту на антресоли, открыла цветочный ларёк и сходила замуж. Два раза. Но то ли мужья не дотягивали до ее стандартов, то ли пеларгонию Нонна любила больше, чем спутников жизни, растворились супружники во времени, оставив Нонну куковать в компании крестоцветных и лилейных. Тут-то и выползла давняя мечта, правда, с нюансами.

Замок вкупе с Альпами в ее городок так и не переехал, зато Всемирный паук наконец доплел свою сеть до ее маленького городка в центре России.

В интернете Нонне понравилось сразу. Соседский мальчишка показал, куда нажимать, как ходить по ссылкам, и жизнь заиграла новыми красками.

Нонна изучила окрестности Альп и все замки, что ютились у их подножья. С упорством Пуаро вычислила всех владельцев до тринадцатого колена.

В один из дней на экран выпрыгнула реклама с увлекательной статьей.

«Замок Летцефестунг (в переводе с немецкого – «последний оплот») построил в четырнадцатом веке нашей эры некий Генрих фон Юнгинген для своего семейства. Место считалось нехорошим: пропадали люди, регулярно случались лесные пожары и оползни.

Род фон Юнгингенов жил тихо и уединенно вплоть до XIX века, пока молодой наследник не покинул родные пенаты и не отправился ко двору короля. Замок после этого постигли несчастья, и он оказался в запустении. Лишь в 2010 году приняли решение Летцефестунг отреставрировать и сделать объектом национального достояния. Десятого февраля состоится первая после реконструкции экскурсия».

– Есть! – воскликнула цветочница, понимая, что нарыла-таки себе домик. Нажала на кнопку «Купить билет», подмигнула горшку с геранью и отправилась собирать чемодан.

Глава 1. Красоты много не бывает

Ровно в одиннадцать утра на площади старинного города где-то между Баварией и Германией споткнулся автобус-кузнечик. Не то чтобы заглох. Так... кашлянул, выпустил клубок выхлопных газов и замер на месте, дрожа от восхищения зеркалами.

А восхищаться было чем. На остановке стояла она. Фемина. Женщина-мечта.

С младых ногтей, с того самого момента, когда у других подростков выскакивали прыщи, у тощей, как после зимней спячки полевой мыши, Нонночки, выскочила грудь. И не просто выскочила, а гордо заявила о себе уверенным шестым размером. Следом за внушительным, как ледокол «Ленин», бюстом выродилась попа. Нонночка сперва ужасно расстроилась, но, рассмотрев себя внимательно в зеркало, поняла, что столь значительные выпуклые части отлично

отвлекали внимание от длинноватого носа, бесцветных маленьких глаз в окружении блеклых редких ресниц и тонких, словно приклеенных к черепу, рыжих волосёнок.

С тех пор вся одежда Нонны настойчиво предлагала окружающим оценить достоинства хозяйки.

Вот и сегодня, решив покорить Европу красотой, Нонна надела все самое лучшее. Модная шуба из экопесца нараспашку. Кургузый пиджачок цвета молодой канарейки накинута поверх декольтированного до пупка топика оттенка майской зелени, он не только не скрывал, наоборот, криком кричал о внушительном и богатом «внутреннем мире» его обладательницы. Узкая юбка в тон пиджака не оставляла места фантазиям, а сразу демонстрировала, сколь щедро одарила Нонну природа. Голову фемины украшала затейливая шляпа. Пол-лица скрывали солнечные очки. На локте – красная лаковая сумка. Рядом – чемодан модели «комод на колесах». К внушительной груди Нонна прижимала горшок с красно-белой геранью.

Автобус отмер и распахнул двери. Юркий водитель цокнул языком от восхищения, подмигнул и подхватил чемодан. Загрузил вещи и знойную женщину, еще раз цокнул языком и сорвался с места. Нонна, придерживая горшок, плюхнулась на сиденье, даже не глянув на остальных пассажиров.

Через полчаса «кузнечик» затормозил возле узкого моста. Мост хлипкий. Ров глубокий. Чемодан огромный. Посмотрев по сторонам, Нонна Викторовна обнаружила мужчину. И тот явно горел желанием ей помочь, Нонна в этом не сомневалась. Не раздумывая долго, вручила мужчине чемодан и отважно шагнула на мост.

Окружающей природы Нонна не замечала. Лишь одна мысль жила в ее голове: «Скорей бы попасть внутрь. А уж там придумаем, как сделать так, чтобы замок стал моим».

– Добро пожаловать на экскурсию, – приветливая девушка протянула Нонне программку.

Часы на замковой башне пробили полдень, и парадные дубовые двери торжественно распахнулись.

Глава 2. Погода шепчет

– Наша экскурсия продлится пару часов, потом вас ждет праздничный обед в стиле девятнадцатого века и возвращение в город. Ради вашего удобства чемоданы и прочие крупные вещи отдайте водителю. Он отнесет их в автобус.

Нонна слушала невнимательно, что там пролепетала экскурсовод. Но про «отдайте вещи» и про «возвращение в город» уловила.

– Па-а-азвольте! Как это пару часов? Куда это отдайте вещи? У меня оплачено два дня. Ни минутой раньше я отсюда не уеду! А чемоданчик пока в уголке постоит, – легким движением мощных бедер Нонна задвинула «комод» в угол, сверху водрузила горшок с геранью. – Охраняй! – Обвела экскурсантов внимательным взглядом и выцепила из толпы гида. – Как тебя там, Марта? Ну, пошли, что ли, замок смотреть.

Экскурсовод побледнела, что-то пролепетала и повела экскурсантов по коридорам и комнатам замка.

Нонна рысила впереди, пока туристы восхищались охотничьими трофеями в каминном зале, она прогуливалась вдоль галереи фамильных портретов. Да так и застыла, как жена Лотта, напротив портрета последнего владельца замка.

– Нет, ну как похож! Одно лицо. Только этот совсем юный и непьющий. Пока.

Отступив на шаг, дабы рассмотреть портрет получше, Нонна споткнулась о мелкую собачонку, та извернулась, клацнула зубами рядом с лодыжкой Нонны и залилась истошным лаем. Тут же появилась крепкая старушонка с седыми буклями и подхватила собачку на руки.

– Шавку свою на поводке и в наморднике выгуливать нужно на специальных площадках, а не по экскурсиям водить, где приличные люди красотой любуются, – раздувая ноздри завопила Нонна.

– Это еще поглядеть надоть, кто тут приличный, а кому намордник нужен, профурсетка ты размалеванная, – не осталась в долгу старушка и, шустро перебирая ногами, засеменяла в сторону гостиной.

Торжественный обед в стиле девятнадцатого века прошел в теплой и дружественной обстановке. Почти. Прямо напротив Нонны за столом обосновалась та сама неприятная бабка с собакой. Она шумно отхлебывала пиво, икала и охотно делилась с соседями мнением о том, как не должна выглядеть приличная женщина, кивая на Нонну.

Но «идеалу красоты» было не до склок. Она думала, как бы остаться в замке хотя бы еще на день. И погода сыграла ей на руку. За стенами замка разбушевалась метель. Снег завалил подвесной мост и дорогу к автобусу. Люди остались отрезанными от большого мира. Без связи – хотя та и в хорошую погоду не баловала постоянством. Без еды – ведь провизию завезли только из расчета на один обед.

«Хорошо, что я чемодан не отдала», – подумала Нонна, подхватила горшок с геранью и, шурша колесами чемодана по старинному паркету, отправилась устраиваться на ночь.

Глава 3. Эта ночь сможет нам помочь

«Первым делом нужно притвориться, что я сплю. Что тут у нас рядом со столовой на плане? Курительная, – кивнула себе Нонна, сверяясь с картой замка. – Отлично, подходит. Сооружу „куклу“ из вещей на диванчике. Рядом непременно горшок с геранью водружу, чтоб и сомнений не возникло, кто тут лежит. А сама пошуршу в кабинете. Глядишь, и подвернется дневник какой иль письмо».

Эх, если бы только Нонна могла предвидеть, к чему приведет ее план. Но история сослегательным наклоном не грешит.

В курительной удушливо пахло кислым пивом. К сводчатому потолку слоновьим ревом возносился храп, отскакивал от стен барабанной дробью, стелился по полу свистом. На секунду стихал. И начинал по новой. Храпу вторило тихое повизгивание, переходящее в довольное хрюканье.

«И ночью от нее покоя нет. Вот ведь в чем душа держится, а такие рулады выводит. И шавка под стать». Нонна с неприязнью посмотрела на спящую старушку, шикнула на собачонку, когда та подняла было голову. Быстро соорудила муляж и, оставив герань охранять «свой» покой, шмыгнула на лестницу.

Замок не спал. В галерее Нонна наткнулась на влюбленную парочку.

– Нашли, где миловаться. Места поукромнее не сыскалось, – пробурчала она и поспешила дальше.

Поднявшись на третий этаж, замерла возле двери в кабинет. Невнятный бубнеж и звон стекла не оставил сомнений. Она опоздала. Комната ее желаний оказалась занята. Чуть приоткрыв дверь, Нонна разглядела двух мужчин, уютно устроившихся с бокалами. По репликам про уважение друг друга поняла, что они здесь надолго.

Досада, злость и ярость потребовали выход. Негодуя и кипя, Нонна побежала по лестнице вниз, на втором этаже не заметила здорового детину, спешившего к лестнице, и врезалась в него, как яхта в неожиданно возникший на ее курсе линкор. «Линкор» вздрогнул, чуть отклонился от курса и продолжил путь. «Яхта» же, качнув кормой, выпалила из всех орудий:

– И этому не спится. Носится по замку, как приведение, приличных людей пугает.

Фыркнула и продолжила путь вниз. Минуту спустя сверху раздался грохот, словно уронили что-то тяжелое.

«Нет, ну что за люди. Хоть кто-нибудь здесь спит по ночам?»

Нонна влетела в столовую и застыла на месте: прямо на нее шел юноша. Золотистые волосы растрепались. Глаза чуть заspanные. В руках он вертел медальон: голубая капля в серебре, по тонкому металлу вилась затейливая надпись.

Томно, как ей показалось, вздохнув, Нонна опустила глаза, затем резко их вытаращила, имитируя взгляд с поволокой. Жестом опытной соблазнительницы поправила волосы и, выпятив свои выдающиеся части, прошептала:

– Не скучно такому красавчику ночь коротать одному? Мне вот тоскливо.

Сделала шаг и, подцепив пальцем цепочку медальона, притянула юношу к себе.

– Какой занятный сувенир. Может, по глоточку? Ночь скоротаем, друг друга узнаем...

Не отпуская цепочки, Нонна пристально посмотрела на юношу и повела массивной грудью. Молодой человек немного смутился, улыбнулся, что-то пробормотал и ловко вывернулся, оставив медальон в цепких руках фемины.

«Занятная вещица, – усмехнулась про себя Нонна, посмотрев на трофей. – Дорогой. Старинный. Но совершенно не в моем стиле. Верну при случае».

Она машинально надела медальон и отправилась восвояси.

Возле курительной Нонну чуть не сбил с ног вой: скандальная старушка, держась за голову, шарил по углам комнаты.

– Капустка, радость моя, ты кудой запропастилась? Не иначе как профурсетка эта выгнала тебя. Ишь развалила чемоданище свой и дрыхнет. От храпа аж стены трясутся, – старушка цапнула «куклу» за плечо.

– Стены трясутся от твоих воплей. Вон даже грохнулось что-то наверху, – выпалила Нонна, заходя в комнату.

– Чего это ты и тут и там, что ли? – захлопала глазами бабулька, но тут же, спохватившись, добавила: – Собаченька где моя, гусыня ты лупогрудая.

Нонна вспыхнула, сжала кулаки, выпятила и без того нескромную грудь и пошла «свиньей» в атаку. Атака захлебнулась, не начавшись. Сделав шаг к старушке, Нонна заметила, что ее любимой герани тоже не оказалось на месте.

– Минуточку! А где моя пеларгония? Собака пропала. Цветок исчез. Нас обокрали. Не иначе это тот неприятный мужик, который сидел с тобой рядом за столом. Видала его. Только что. Наскочил на меня. Ни тебе «извините», ни «простите». Зыркнул сычом и поскакал дальше, как олень за самкой в гоне. Пошли за ним.

– Идем, – кивнула старушка. – Баб Валея меня зови.

Сплоченные общим горем женщины отправились добывать «шкуру» обидчика. Но едва вошли в столовую, Нонну бросило в жар. Ее будто кто-то мягко и нежно обнял за шею. Погладил. Сжал. Сперва это показалось даже приятным. По телу пробежала дрожь. Бархатное тепло начало нарастать, шею сдавили сильнее, стало трудно дышать. Нонна захрипела, попыталась содрать с себя невидимые руки. Но объятия сомкнулись крепче. Она не услышала криков бабы Вали и не заметила подбежавшей девушки. Сознание уплыло. Еще миг, и количество экскурсантов, видимо, уменьшится на одного.

Сквозь пелену до Нонны донесся голос:

– Я вам помогу.

Несколько минут спустя бледная и вмиг подурневшая Нонна непонимающе уставилась на симпатичную девушку в черной водолазке. В руке спасительница держала злосчастный кулон.

– Это мой амулет. Я заберу. Вам он не нужен.

Нонна кивнула и, забыв про герань, Капустку и бабу Валею, слегка пошатываясь, побрела в курительную.

– Ну и ночь. Пожалуй, на сегодня приключений достаточно.

Глава 4. Утро ночи не мудренее

– Но-о-о-онка! Где тебя носит, моль ты бледная! – вопль несся по коридорам замка, отражаясь от стен. – Постели не переселены, горшки не вынесены. И где наш завтрак? Да куда же запропастилась эта тля безродная.

В комнату прислуги, шаркая подагрическим ногами, резво вползла седая дама.

– Ах вот ты где! Выспалась! – цапнула Нонну за руку и резко дернула. – Уж простите великодушно, что посмели побеспокоить вас в столь ранний час напоминанием о себе. Не соизволите ли приступить к своим обязанностям?

Нонна хлопала глазами, с недоумением взирая на неожиданную гостью.

– Баб Валя, в чем дело? Что ты голосишь-то, словно тебе кильки по акции не досталось?

– Какая я тебе баба Валя? Ополоумела совсем девка. Сроду бабой не была. Баронесса Валентина фон Юнгинген, урожденная Ван дер Загрёб. И в книксене присядь, когда с хозяйкой разговариваешь. Да глаза спрячь! Ишь, вылупилась, страхолудина бесстыжая. Ну, чего рот раззявила? Проспала, так повинись. Не то выпороть прикажу.

Дама засемила к выходу, но на пороге затормозила.

– А муженек твой где? За ночь снегу навалило, оленю не пройти. А мы гостей к ужину ждем. Карлу Александру пора невесту выбирать, а то он все, как дите малое, с игрушкой таскается. Слышишь меня? Иди, говорю, разыщи Григория, пусть дорогу к замку расчистит да каминьки затопит. Ну, ступай, ступай. Тебе еще ужин стряпать, наряды готовить. И собаченьку мою Капустку найди. Причешь ее да попонку праздничную на нее одень. Пошевеливайся. Не сиди квашней. Ишь, отъелась на хозяйской кухне.

Выдав указания, урожденная Ван дер Загрёб ушелестела по своим делам.

«Муж? Григорий? И когда же это я сподобилась? – удивилась Нонна. – Какой Карл Александр? Откуда гости? И причем тут я? Замок помню. Экскурсию в нем помню. Странная ночь тоже эпизодами всплывает в памяти. Допустим, как замуж выходила, я могла не запомнить. Мужем больше, мужем меньше, кто их считает. Но как я попала в прислуги к старой перечнице? И с чего она вдруг баронесса? Нда-а-а. Не иначе герани я перенюхала, и все это мне чудится».

Раскатистое «Нонне-е-е-ета» и игривый шлепок по объемному тухесу вывели Нонну из раздумий. Перед ней, как из-под земли, нарисовался помятый мужичок. Трехдневная небритость и свежее амбре ясно дали понять, что ночь его прошла ударно, а утро успело стать добрым.

– Не сердись, ягодка моя волчья. Ну выпил вчера. Но я ж меру знаю. Чуток да полчутка и еще стопочка. И все. А как не выпить. Не выпить никак нельзя, потому что зима холодная, волки воют, а работников тут только ты да я.

Мужичок приобнял Нонну, ткнулся головой ей меж грудей и с шумом вдохнул.

Нонна отшатнулась.

– Одурел, что ли! Ты кто?

– Вот же сувальдный замок! Муж я твой законный, Григорий. Лакей, дворецкий и швейцар. А ты жена мне перед Богом и людьми. Домработница, горничная и повариха в одном флаконе. Эк тебя с одной рюмахи то рассупонило, аж забыла, кто ты есть. Ну приходи в себя, давай.

– Григорий?

– Вспомнила, рыбонька? Вот и ладненько. Побег я по делам. И ты ступай.

«Ну, допустим, я прислуга. Значит, могу ходить где угодно. Чем не повод обыскать замок? Мало ли, может, у меня дела тут хозяйственные», – эта мысль воодушевила искательницу сокровищ, и она отправилась в кабинет.

Но едва тронула ручку, как дверь распахнулась и ударила по лбу. Нонна крякнула и отшатнулась – в дверях стоял вчерашний красавчик, у которого она кулон забрала. Нонна судорожно вытянула руки, чтобы не упасть, и попыталась ухватиться за обидчика, но тот выскользнул, оставив в Ноннинных руках листок бумаги.

Часы пробили полдень. Сладко потянувшись, Нонна открыла глаза. На соседнем диване сладко похрапывала баба Валя. На полу, обняв передними лапами горшок с геранью, причмокивала во сне Капустка.

«Слава богу. Всего лишь сон».

Нонна скользнула взглядом по комнате и заметила у подушки исписанный лист бумаги. Поднять сразу не успела – старушка, как почуяла, что соседка ее проснулась, и тоже распахнула глаза.

Глава 5. Мальчики бывают разные

– Очухалась? Ну, слава тебе, яйца! Я ж думала, ты кони двинула совсем. Вся синяя, хрипишь. А я чего, я ж не дохтыр, университетов не кончала, – Баб Валя слегка смущенно глянула на Нонну. – Зато, смотри, растение твое сыскала. В камине дальнем моя кровинушка его от лиходеев местных сховала. И сама сховалась. Испугалась чегой-то бедняга. Ну ладно. Пора и подкрепиться.

Нонна равнодушно глянула на цветок – поникшее растение взгрустнуло в сторонке. Но после всего, что случилось в этом странном замке, интерес к ботанике у Нонны заметно поукас.

– Да, да, – задумчиво ответила она, подхватила с пола бумагу и, сунув ту в декольте, улыбнулась своим мыслям.

Старушка цапнула Нонну за руку, кликнула собаку, и втроем они отправились в столовую. Там Нонна сразу плюхнулась на ближайший стул.

– Вау, кого я вижу! Нонна, любовь моя, наконец-то вы проголодались. Разрешите предложить бокальчик чая?

Молодой повеса, чей кулон чуть не лишил Нонну жизни, весело скалился.

– Бокальчик яду себе предложи! – рыкнула на него красotka.

– Мадам, какой очаровательный рык! Не вы ли выступали в роли волка этой ночью? – продолжал веселиться повеса.

– Еще и издевается, наглец! Саданул меня дверью и умчался, не оказав даме помощи.

– Мадам, ваша наглость восхитительна! Двери не помню, а вот кулон... Кто его у меня спер, простите за мой английский?

– Кулон твой за пальчик зацепился. Сам. А после...

«Что же было после? – Нонна задумалась. – Хм. Удушье. Муж Григорий. Удар по голове. Или удара не было? Что из этого правда, а что приснилось?»

– А кроме кулона ты ничего не терял? – спросила она, решив проверить, была ли встреча у кабинета.

– Честь и совесть! – выпалил парень.

– Ну, не терял, так не терял, – пробормотала Нонна, поправляя бумажку в декольте.

Держась за головы, на пороге столовой появилась троица мужчин. Муж из сна – Григорий, Юрген и еще какой-то перец. Заметив вошедших, Нонна порозовела, захлопала глазами и кивнула Григорию на стул рядом. «А он и впрямь ничего. Руки сильные, пальцы длинные. Умыть, причесать, опохмелить. И прям жених».

– Лассен зе митч. Тьфу! Я Клаус. Позвольте вашу ручку, мадам, – представился перец и рухнул на стул напротив.

Нонна взглянула равнодушно, но руку протянула.

Народ все подтягивался, вновь прибывшие перезнакомились, темы общие нашлись. Нонна, не переставая ворковать с Григорием, прислушивалась к разговорам. Народ вещал о странных снах и таинственных предметах, которые остались после пробуждения. Нонна задумалась и почти полностью пропустила то, что сообщила Марта. Лишь поняла, что та просила всех покинуть замок, поскольку снегопад прекратился, дорогу и мост расчистили, а Юрген готов подвезти желающих на автобусе.

«Вот уж дудки! Никуда я не уеду, пока не пойму, в чем дело».

– Мне тоже сон приснился. Странный, – задумчиво произнесла Нонна, чуть помедлив, вынула из декольте сложенный лист бумаги и перевела взгляд на повесу, который всем представлялся Сашкой. – А это ты потерял в том сне. – Протянула ему бумагу. – Там план какой-то.

– Нонна, вот от кого-кого! Не ожидал. Что за план? Похоже на подвал, – паясничал Саша.

– Откуда я знаю? Ты не сказал во сне ни слова. Саданул мне по лбу дверью и сбежал. Лоб до сих пор болит.

Григорий погладил Нонну по руке.

– А мне приснился дивный погребок. Кстати, не он ли тут обозначен? Попасть в него было бы здорово.

– Так, а чего сидим? – Сашка развернулся к Клаусу. – Ты с нами?

– Я полезных перспектив никогда не супротив. Наверняка в погребе есть чем опохмелиться, – потирая руки, ответил тот.

Григорий гордо взглянул на всех, помахал бумагой из сна.

– Не только опохмелиться, но и радость жизни ощутить. Там и шкафчик чудной есть.

– Зер гут, братан!

– Ну и? Кто-нибудь понял по этой вашей карте, куда путь держать? – вклинилась Нонна. – А впрочем, по дороге разберемся. – Подхватила Григория под руку, и честная компания порысила в каминный зал – судя по плану, вход в нужное место прятался где-то там.

Сашка на всякий случай бутылку с собой прихватил, а в каминном зале карту принялся вертеть.

– И на кой нам эта бумажка? Ничего непонятно! – осмотрелся и воскликнул: – О, смотрите, дверь. Кажется, нам туда.

– Точно? – подняв бровь, поинтересовался Григорий.

Сашка перевернул бумажку вверх ногами, пожал плечами.

– Ну... Давайте заглянем и пойдем точно, – он дернул дверь, та оказалась заперта. – Григорян, ты ж с замками на ты? Представляешь, если за ней прячется твой погребочек из сна?

– Сейчас откроем!

Гриша протянул Сашке неизменный шоппер, закатал рукава, широкой спиной буквально на минуту закрыл обзор и картинно распахнул дверь. Компания дружно зааплодировала. Взгляд Григория сфокусировался на том, что внутри комнаты. Овации стихли. Нонна фыркнула, Клаус ехидно улыбнулся. За дверью оказалось пусто.

– Фу-у-у-у! – Сашка просунул голову в дверь, смачно чихнул и вытер со лба паутину.

– Опять замок со мной играет, то с замками, то с погребками, – посетовал Гриша. – Алкоголем тут и не пахнет! Нонна, детка, уж извини. – Гриша забрал у Сашки карту, повертел ее, пробубнил, мол, как во сне все было реально...

– А на кой нам тот погребок? Чем вас каминный зал не устраивает? Отличное местечко. Диваны, кресла, столик. Нам подходит, – игриво поглядывая на Григория, Нонна плюхнулась на диван, а Сашке кивнула на прихваченную бутылку.

Тот намек понял, на стол родимую поставил, шоппером случайно звякнул – из него к бутылке выудились стаканы.

– Григорянц, да ты просто находка!

Гриша покраснел, закрыл дверь и устроился рядом с Нонной. Сашка занял второй диван, разлил вино по стаканам.

– Клаус, падай! – указал он на место рядом с собой и ехидно улыбнулся, поднимая бокал. – Ну че? За призраков?

– Нет, ну их к черту. Я в ту ерунду не верю. Хотя мой прапрадед в этом дерьмовом замке пропал. Пошел на свадьбу в гости и не вернулся. Прабабка мне вот эту бусину дала. – Клаус вытащил из кармана полупрозрачную бусину. – В норме бусина синяя. Но в случае опасности краснеет.

– Офигеть, техника дошла! Покаж, а? – протянул руку Сашка. Выхватил бусину, высоко поднял, повертел.

– Пряма смарт-подвеска, – хохотнула Нонна.

– Н-н-нанотехнологии, – запинаясь, вторил ей Гриша.

Бусина запульсировала красным, а щеки Клауса стали пунцовее, чем вино и бусина вместе взятые. И не шестой размер Нонны был тому причиной. Клаус уставился на руки Сашки, Нонна прищурилась: идеальный маникюр, тонкие пальцы, изящные запястья. Так-так-так.

– Вау, классная штука! И реально работает? Братан, ты че на меня пялишься, как на таракана? – Сашка щелкнул Клауса по плечу.

– Нет-нет, все нормально. Давайте тяпнем еще. Как говорится, между первой и второй перерывчик небольшой.

– За любовь? – Сашка чокнулся с Клаусом.

– После второй не закусывают, – наливая сразу по третьей, скомандовал Григорий.

– А давайте на брудершафт! – протянул стакан Клаус.

Гриша негласно предложение поддержал, выпил, решительно взглянул на женщину-мечту, и чуть не пропустил признание Сашки.

– Приятно познакомиться – я Александра. Ну девушка я. Уж извините.

– Сгоняем за добавкой?

Дружная компания вывалилась из каминного зала и, перебрасываясь шутками, направилась в столовую. Но в одном из поворотов Нонна покачнулась, схватилась за Григория и жарко шепнула:

– Предлагаю затеряться.

– В районе хозяйской спальни, – тут же поймал нужную ноту Григорий.

Сладкая парочка развернулась на сто восемьдесят градусов и шмыгнула на винтовую лестницу.

Глава 6. Спасибо, замок!

Лестница оказалась темной, узкой и крутой. Вдвоем было идти неудобно, а по одиночке неинтересно. Гриша изловчился, подхватил спутницу за талию, прижался к жаркому боку, и очарованные друг другом они замаршировали по ступенькам вверх. Преодолев пролет, привалились к стене передохнуть. Стена оказалась дверью. Вскрикнув, незадачливые путешественники ввалились в кабинет.

– Упс, промашка вышла, – хохотнул Григорий.

Нонна вторила ему громким смехом.

– А здесь нехило кто-то пировал, – заметила прелестница, показывая на остатки ночной пирушки на письменном столе.

Григорий чуть смутился.

– Да это мы тут с Клаусом и Юргеном ночь коротали. Ну, вот и... Может, чуть-чуть для согрева и на ход ноги? – разливая остатки шнапса, предложил Гриша.

Махнули. Допили все, что было, присев на край стола. Взглянули друг на друга. Григорий подался на встречу к Нонне, она – к нему. Но встреча так и не состоялась. Обогнув красотку, герой-любовник шагнул к книжному шкафу. Там, за стеклянной дверцей, в глубине, ему подмигивал незамеченный прежде графин. Гриша потянулся к нему, схватил. Графин не сдвинулся с места. Проигнорированная Нонна хмыкнула, глядя на это. Вторая попытка – графин остался на месте.

– А вот щас мы его враскачку! – воскликнул Гриша.

Схватил, качнул. Что-то шелкнуло, графин сдвинулся в глубину шкафа, часть стены рядом со столом отъехала в сторону, а челюсть Нонны – к полу.

– Охренеть! – хором выдохнула парочка.

Подошли к проходу. Заглянули. Вверх уходили ступени винтовой лестницы. В слабом свете, что долетал из кабинета, просматривались клочья пыли, повисшие на паутине.

– Сплошная антисанитария, – поморщилась Нонна.

– Хорошо, что мы продезинфицировались, – хмыкнул Григорий. – Пойдем посмотрим?

– С тобой хоть на край света, – Нонна игриво ткнула Гришу в плечо.

Эта лестница, в отличие от первой, оказалась круче и уже. Григорий вооружился телефонным фонариком и, как настоящий джентльмен, возглавил восхождение.

Неровный свет скакал по ступеням, ворую у темноты секреты. Звук шагов отражался от стен, и казалось, что в этом тесном пространстве они не одиноки. Нонна ступала медленно и осторожно, стараясь не касаться стен и перешагивая гуано, которое то и дело попадалось на пути. Внезапно рядом с ухом Нонны резко всколыхнулся воздух, по носу мягко шлепнули и что-то скользнуло по щеке. Истошно взвизгнув и вмиг забыв про кляксы экскрементов, она догнала Гришу и вцепилась в его руку. Тот приосанился и замогильным голосом продекламировал:

В древнем замке гаснут свечи.

Страх клубится по углам.

Слышны вздохи, стоны, речи,

Призрак бродит где-то там.

Но не бойся, дорогая

Я твой рыцарь и герой.

– Да пошли уже скорее. Надоел мне геморрой, – прервала его высокопарный слог Нонна. Григорий вздохнул.

– А может, у меня защита от призраков с собой имеется. Хочешь, покажу? – Гриша хлопнул по шоперу.

– Главное, чтоб у тебя Василисы Прекрасной не оказалось, – ехидно парировала Нонна.

– Зря ты, – вновь вздохнул Гриша. – Вот у Клауса бусина есть, которая по легенде меняет цвет, если...

– Клаус допьется до чертиков, – нетерпеливо прервала Нонна. – Обычный гаджет типа умных часов. Давление измеряет или состав крови считывает.

Надоел ей этот бессмысленный разговор. Да и мрачная винтовая конструкция тоже порядком осточертела.

«Ташусь по ней, словно в дом к улитке попала», – подумала про себя, а вслух добавила:

– Продолжишь бред нести – уйду.

– Молчу, радость моя, – тут же залезбил Григорий.

Лестница сделала последний поворот и закончилась дверью.

– Вот те на! – воскликнул Гриша, изумленно рассматривая хозяйскую спальню. – На этом поиски закончим?

– Может, и закончим, – игриво ответила Нонна. – Только поищем местечко, где «носик припудрить».

Не всем планам суждено было сбыться. Гриша шагнул в комнату увлекая за собой Нонну. Однако нога в скользком после похода по лестнице ботинке поехала. Стараясь удержать равновесие, отважный рыцарь взмахнул рукой, забалансировал, попытался закрепить вторую ногу, но та предательски скользнула в сторону. Спешащая следом Нонна запуталась в ногах Гриши, и горе-любовники, не отпуская рук, начали полет, словно бреющие истребители. Полет закончился в штатном режиме. Аэродром в лице огромной хозяйской кровати принял их ласково. Тела упали в мягкие объятия матраса, только две пары ног, подрагивая свисали с края кровати.

Пару минут спустя кровать задрожала, раздался вой и демонический хохот. Нонна взвизгнула, втянула ноги и уставилась на Гришу.

– Нонночка, свет мой, ближе будь. Я тебя защитю. Ой, зачисю. О! Защищу! – завывал и тряс кровать Григорий.

– Дурнина! Испугал меня. И так нервы ни к черту.

Схватив подушку, Нонна огрела горе-призрака по голове, а тот заключил ее в объятия.

– Этак ты всю красоту мою растрясешь, – продолжила сопротивляться Нонна.

Но, как говорится, место определяет событие.

Нонна оттаяла и прижалась к Григорию. И вот уж все должно было случиться наконец. Только то ли любовники слишком усердствовали, то ли старинная кровать оказалась с секретом, но в неподходящий момент занавесь старого балдахина рухнула, окутав голубков пылью. Чихая, выпутались они из покрывала и, истерически хихикая, отправились на поиски клозета. Искомое обнаружилось за створкой шкафа. Скользнув внутрь, Нонна захлопнула дверь перед носом Григория. Через мгновение дверь распахнулась.

Повторять было не нужно. Григорий молнией ворвался в помещение.

– Котик, тут что-то со сливом, – захлопала глазами кокетка.

Пробурчав, что он не сантехник, а слесарь, Гриша склонился над старинной конструкцией. Подергал. Посмотрел. Пошатал. Надавил. Оценил. Дернул. Да так и замер в полусогнутом состоянии, с оторвавшимся вместе с куском стены бачком в руках.

– Твою ж ты, тумблерный замок! Сходили пописать!

Взглянув поверх Гришиного плеча, Нонна взвизгнула и захлопала в ладоши. Из открывшейся ниши торчал старинный сундучок.

Гриша вытащил сокровище, кое-как приделал бачок обратно и понес добычу к кровати.

– Шкатулочка-то с секретом, – задумчиво произнес Гриша. – Но мы к ней, как к женщине, подойдем, она нам секреты свои и раскроет. Нежно коснемся тут и там. Погладим ласково, не пропустим ничего. Всюду, где выступает, покрутим и надавим, сокрытое нам и покажется. Во все тайные уголки заглянем, поговорим и пошепчем. Глядишь, и отдастся шкатулочка нам.

Еще пара ласковых пассов, и старинный замок поддался. Откинув крышку, Нонна снова взвизгнула.

– Мы богаты! Наконец я осуществлю детскую мечту. У меня будет замок.

– У нас, – поправил ее Григорий.

Послесловие

Драгоценности распихали в шоппер Григория и сумку Нонны, засунули пустой сундук в шкаф. Тихо и без приключений спустились на первый этаж и в холле столкнулись с Клаусом. Вид у того был странный: глаза в расфокусе, пиджак в пятнах, в шевелюре паутина.

– Шайсе, шайсе, шайсе! – повторял Клаус, будто забыл великий и могучий немецкий язык, оставив только главное слово.

Он постоянно прикладывался к бутылке. На расспросы, где был и что с ним приключилось, лишь отмахнулся, глотнул еще, просипел:

– Здесь полный аллес капут. Я сваливаю. Вы со мной?

Переглянувшись с Нонной, Григорий кивнул приятелю.

– Где Саньку потерял? – усмехаясь, спросила Нонна.

– Она в гота втюрилась, – махнул рукой Клаус. – А мне не до любви сейчас. Линять надо.

– Ну что, идем? – Григорий подхватил Нонну под руку.

– Да, только чемодан возьму.

Но чемодана нигде не было. В курительной на столике Нонна нашла записку.

«Нонка, стервь! Кудой ты сдриснула? Твой комод вместе с цветком я запаковала. Найдешь его у шустрилы-водителя. В городе я до завтра. Будешь проходить мимо „Метрополя“ – проходи не задерживайся! Цалую. Баб Валя».

Ухмыльнувшись и подумав, что налегке даже проще идти, Нонна поспешила к выходу.

Солнце клонилось к закату. Мохнатые елки отбрасывали длинные тени. Тройка экскурсантов гуськом покидала замок по старому узкому мосту. Гриша бережно страховал Нонну сзади.

На площадке перед мостом стрекотал мотором «кузнечик».

– Ой мужики! Вы это... Вы ж со мной поедете? Я тут вас жду, жду. И вы, дамочка, проходите! – радостно воскликнул Юрген, выскакивая из автобуса. – Я туристов всех отвез, а сам за вами вернулся.

– А вот и багаж мой нашелся. – Нонна равнодушно посмотрела на «комод» на колесах. Взяла горшок с геранью и, хохотнув, протянула водителю. – Жене подари. Она обрадуется.

Взяв горшок, Юрген взглянул на Гришу.

– Вы только это... Не бросайте меня. Давайте хоть мимоходом ко мне, а? Брушке моей объясните, что я с вами был, а уехать не смог. А я уж вас потом, куда скажете, отвезу.

Григорий переглянулся с Нонной и кивнул.

У Юргена долго не задержались. Сокровище жгло шоппер и требовало немедленной оценки. Точнее, требовала ее Нонна. Следующим утром она подняла Григория чуть свет и потащила в ближайший ломбард. Вывалив перед оценщиком самую крупную брошь, Нонна нервно облизнула губы и застыла в ожидании. Ожидания себя не оправдали. Ни один ювелир города не опознал в находке ничего ценного. Сокровища оказались отлично выполненной подделкой.

Утреннее солнце золотило крыши девятиэтажек небольшого городка. В уютной маленькой кухне, прихлебывая кофе, Нонна лениво скроллила ленту новостей. Сидевший напротив Гриша возился с коллекцией замков, то и дело бросая мечтательные взгляды на выдающиеся прелести жены. Почувствовав его внимание, Нонна улыбнулась. Протянула руку к чайнику и замерла, изменившись в лице. Телефон брякнул о стол. Нонна взвыла, прижала руки к лицу и закачалась, словно неваляшка. Плечи ее затряслись. Грудь заколыхалась, подобно бурному морю.

Недоумевая, Григорий взял телефон супруги.

«Невероятная находка. В замке Летцефестунг открыта новая экспозиция. Впервые выставляется коллекция старинных украшений, найденных в ходе реставрационных работ в одном из подвальных помещений. Стоимость коллекции оценивается в сотни миллионов евро».

Гриша крикнул, поскреб подбородок и обнял жену, желая успокоить.

– Всю жизнь я мечтала о зámке, а получила хозяина замкóв, – отняв руки от лица, захотала Нонна. – Ну, показывай свои владения, – она чмокнула Гришу в ухо и с любопытством уставилась на мужнину коллекцию.

Страничка автора

https://vk.com/tashana_k

ГРИГОРИЙ

Анна Яскович

<https://vk.com/ayaskovich56>

Глава 1. И де я?

Григорий стоял во дворе замка. «Летцефестунг», – с трудом прочитал он на воротах. Готические буквы не давались ему никогда. Голова у Гриши переполнилась болью и недоумением, на лице отразились муки непонимания. В руках он держал чемоданчик с набором инструментов и модный нынче шоппер с «ссобойкой». Глаза бегали по сторонам, все пытались разобраться, где он и что происходит. Да еще толпа вокруг немалая – галдит, ахает.

Григорий напряженно вспоминал.

Как первоклассный мастер замковых дел во всей округе, он несколько дней подряд трудился в лучших домах Марвихи. Все запирающие устройства, требовавшие ремонта, там были с секретами. Григорий их, конечно же, разгадал и заставил замки и замочки работать. Самый хитрый замок в самом важном доме оставил напоследок. Открыл его и увидел буклет или билет, решил глазком одним посмотреть, что же это, взял в руки и... провалился в помещение, очень похожее на станцию метро. Осмотреться не успел – подъехал поезд.

В вагоне Григорий от усталости приложился к бутылки, которая всегда была с собой, салом с луком закусил, да и заснул. Спал долго, аж шея затекла. Поезд затормозил, Гриша призадумался что делать дальше, а из динамиков донеслось: «The next station is London, the capital of the Great Britain».

Гриша выскочил из вагона, как ошпаренный: «Чего только олигархи себе не строят! Метро Марвиха – Лондон, что б быстрее убежать было?»

На эскалаторе Гриша поднимался так долго, что успел пару раз хорошо приложиться к початой бутылке.

Вышел на улицу, дверь за собой закрыл. Осмотрелся. А тут автобус подъехал, на кузнечика похожий. Остановился перед Гришей, дверь открыл. Гриша приглашением воспользовался, сел на свободное сиденье. Пока ехал, в окно все глядел: места-то отнюдь не родные. Вздыхнул, да и вынул из мешка родимую. Так и пролетела дорога незаметно. Когда все из автобуса вышли, он тоже вылез. Закачало, правда, на земельшке чужой знатно, но Гриша все равно потопал через мост вслед за народом. И замер неприкаянный во дворе замка Летцефестунг, не понимая ровным счетом ничего, держа в руках тот самый билет или буклет. Станный. С приглашением на экскурсию...

Глава 2. Неприятности

Часы на башне пробили полдень, и в этот же момент распахнулась входная дверь.

Экскурсовод Марта приветливо пригласила всех пройти. Правда, странно посмотрела на чемоданы. Попросила подождать минутку, подошла к водителю Юргену. Они о чем-то говорили сначала тихонько, потом Марта повысила голос. Юрген вроде как оправдывался. Наконец экскурсовод вернулась и вежливо объяснила присутствующим, что, мол, замок хоть и отреставрирован, но гостиничных номеров в нем не запланировано, поэтому чемоданы надо оставить в автобусе.

Все это Григорий пропустил мимо ушей. К чему ему чужие проблемы. Лично он про ночевку и не думал. И так странностей выше головы. Но когда и его попросили не брать с собой

чемоданчик, то не стал объяснять, что там только инструменты, молча переложил в шоппер самое ценное: ключ 12x14, рублевую монету, надфили, пассатижи, отвертки с набором бит и небольшие целлофановые пакетики. Почти пустой чемоданчик отдал Юргену. Даже если что и пропадет, то не особо жалко.

Гостей ждала двухчасовая экскурсия: парадная зала, библиотека, картинная галерея и прочее, и прочее. Григорий не столько слушал Марту, сколько рассматривал замки в замке. Еще и публику рядом изучал на всякий случай.

Наконец хождение по коридорам и залам закончилось, гостям предложили обед в духе девятнадцатого века. Гриша проголодался. С Марвихи почти ничего не ел. Пил только. Знал Гриша, что в ней, родимой, калорий много, но не столько же, чтобы не есть.

Стол оказался хорош. Скатерти, посуда, еда. А главное – штофы, полуштофы и штофики, лафитнички, графины, декантеры и для каждого напитка свои рюмки. Григорию просто не терпелось всё попробовать, из вежливости соседям по столу предлагал. Тот, который Патриком себя назвал, отказался, девица с блокнотом и косами аж шарахнулась с перепугу. Вот и прикладывался Гриша один ко всему богатству. Закуску, что не осил, в мешочки пластиковые сложил и в шоппер припрятал. Чувствовал, что так нужно.

К концу обеда примчался заполошенный Юрген с неприятной вестью. Так махал руками и причитал, что хоть и по-немецки говорил, но все поняли. Вьюга разбушевалась, дороги замела, и из замка теперь не выйти, возможно, до завтра.

Делать было нечего, Григорий потолкался с русскими, послушал профессорские глупости про теорию вселенского заговора против группы туристов, да и брякнул во всеуслышание из Булгакова:

– Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут.

На него оглянулись, Григорий и ретировался быстренько. Краем глаза увидел мелкую собачонку, которая кружила по залу явно в поисках места для справления насущных нужд. Сжалился он над животинкой, кинулся лопату искать, чтоб площадку для собачки расчистить. Отправился на кухню инструмент просить. Там его сначала не поняли, а потом сказали «битте» и махнули рукой в угол. Лопата добротная там и нашлась – снегоуборочная. Стал Григорий копать у парадной двери. Снега много навалило, но два на два пяточок расчистил. Хозяйка собачки Баб Валя благородным кивком ответила, а псинка – радостным лаем отблагодарила.

Решил Григорий послоняться по замку замочные скважины порассматривать. Тут к нему подошел странный тип. Про погоду да лопату расспросил, «золотые руки» похвалил. И как бы невзначай произнес:

– Надо замочек один вскрыть. Сможешь? По-тихому?

– Чего тут не смочь, – ответил Григорий и взялся за дело, благо инструмент с собой был. Да и замок на вид показался не сильно мудреным.

Вот только странно как-то: то отвертка падает, то биты рассыпаются, пассатижи отказываются свою работу делать, надфили в скважине застревают. Не понравилось все это Григорию. С полчаса возился – безрезультатно. Сдался. Перед мужиком извинился и ушел мрачнее тучи.

Плохо Григорию прямо стало. Заметил еще одну запертую дверь. Слова никому не сказал, стал замок открывать. И этот не поддался, хотя конструкция была другая, но все так же вышло: надфили падают, отвертки застревают, пассатижи с битами теряются. Внутри себя Гриша матерился. Вслух не решался, чувствовал прямо нутром: замок не хочет, чтобы он замки открывал. Ох и неуютно почувствовал себя Григорий. Устал он, умаялся – вот замки и не поддаются. Наверное.

Часы на башне пробили полночь.

Глава 3. Нам бы ночь продержаться

Отдохнуть бы от всех этих событий и странных людей. Приткнуться бы где-нибудь, вынуть из сумки бутылочку, закусить чем-нибудь и расслабиться. Может, получится и поспать без всяких сновидений.

Григорий открывал двери одну за другой и всюду видел людей. Все спали: прикорнув на стульях, креслах или даже на полу. Да и коридоры оказались полны народа.

Только на третьем этаже возле библиотеки нашлась сравнительно небольшая комната – свободная. Внутри был широкий письменный стол зеленого сукна с бюваром, книжный шкаф, небольшое бюро и поставец. Во второй части комнаты расположились диван, кресла и ломберный столик. Названия старинных предметов мебели всплыли у Григория из подсознания.

Рвущийся наружу внутренний мир заставил Гришу выставить бутылку прямо на зеленое сукно стола. Поиски подходящей емкости для питья привели к поставцу. Там нашлась и тарелочка для закуски. Выложил Гриша на нее из пакетика закуску, что прихватил на обеде. Приготовился... и тут в дверь просунулась голова, пробурчала что-то недовольное. Григорию захотелось разделить трапезу, вернее, питье с владельцем этой головы.

– Фэтцаймиэ! – произнес гость и явно собрался закрыть дверь.

– Давай, Ганс, попробуй наш первачок. Авось настроение получшеет – хоть у тебя, хоть у меня.

– Я Клаус, – представился гость, – Доннерветтер! В смысле, здрасьте и данке шен! – и зашел в кабинет.

– Ты это, паря, доннерами не кидайся на веттер, – Григорий погрозил пальцем. – Я ж помню про гром и молнию, в школе учил. Давно, правда. Слышь, что за окном делается!

Оба примолкли. Из окон донесся волчий вой. Или не из окон. Гриша заметил еще одну комнату. Закрытую. И там кто-то завизжал. Или замыкал... Он отмахнулся – бред все это. Привиделось и прислышалось.

– Так что? Вздрогнем? Ты Клаус. Я Гриша! За знакомство пьем до дна.

Выпили мужики, а закусывать не стали.

– Хоть немец, но свой будто, – Грише собутыльник пришелся по душе.

Они разогнались, шнапсу приняли, сравнили, пробуя попеременно то первак, то шнапс. Беседа полилась как по маслу. Понимать стали друг друга легко. Гриша раскрыл тайну, что русский ключ 12x14 и рублевая монета заменят ихний немецкий 13x15. Клаус рассказал историю прапрапрабабкиной бусины. Возник повод для тоста...

В дверь постучали.

– О, Юрген, – радостно разулыбались оба, увидев незваного гостя. – Заходи! Третьим будешь.

Юрген покрутил головой. Все понял, но промолчал. Так же молча тяпнул рюмку, раз предложили. Не дурак же он.

На лице водителя отразилась целая драма. Он жаждал остаться, но долг требовал исполнения. Юрген отозвал Клауса на минутку, повел в коридор, пообещав Грише вернуться.

В ожидании приятелей Гриша расхаживал по кабинету, заглядывал в шкафы и ящики, ящички и окна. И вроде как напевал. Правда, песня сливалась с завыванием ветра и протяжным подвыванием волков. Но Гришу это не волновало. Настроение заметно улучшилось. Неоткрытые замки стали забываться, а новые планы – рождаться.

Вдруг раздался странный грохот. Пришлось выглянуть за дверь. По лестнице поднимались две барышни с очень недовольным видом. Одну Гриша узнал, экскурсию она вела. Вторая, напомнила штангенциркуль в очках. Поднялись-то они вдвоем, а вот спустилась через несколько минут экскурсоводка одна. Где же ту, вторую бросила?

Григорий собрался пойти посмотреть, но вернулись Юрген и Клаус. Потерянные и ошарашенные. Гриша сразу смекнул, что надо делать. Наполнил стаканы и предложил «вздоргнуть». Выпили залпом, жадно, не чокаясь.

– Ком, ком! Шнеллер! Пошли с нами! Ты должен это увидеть сам! – Клаус потащил Гришу за собой.

Гриша идти никуда не хотел. Ему и здесь было преотлично. Но любопытство перевесило: что же привело этих двоих в замешательство?

– Черт с вами! Пошли.

– Мужики, мы сейчас возвращаемся в галерею и партоколируем, ик... протоколируем события! – тон Клауса не оставлял сомнений в решительности его намерений.

Юрген покачал головой, сплюнул, произнес нечто вроде «вотбля» по-немецки, но против собутыльника не попер.

Троица потопала в галерею с семейными портретами Юнгенгенов.

Гриша не увидел ничего странного. Так прямо и заявил об этом приятелям. Юрген торжествовал. Клаус ощупывал и обнюхивал стены и пол. Пристально оглядывал портреты и рамы. Вспоминал какую-то Вальбургу. Доставал пробирки и реактивы из своего рюкзака. Словом, вел себя как контуженный на всю голову.

Показал друзьям раму с кровавыми пятнами на холсте и подписью «Ганс фон Юнгинген» и кивнул на маленького коричневого котенка, который урчал и вылизывал мордочку.

Сквозь окна галереи пробивались первые солнечные лучи. Где-то вдали кукарекали петухи.

Клаус слегка успокоился, убрал пробирки.

– Эй, мужики! Вы-то как? – спросил он Юргена и Гришу. – Может, накатим и обсудим?

Троица вернулась в кабинет. Гриша – в полном спокойствии, Юрген – в некотором раздрае, а Клаус – в глубокой задумчивости.

И накатили, и закусили, и еще раз накатили.

Глава 4. Бородка, шейка, ушко

Голова у Гриши болела так, что и врагу не пожелаешь. Оно и понятно. Ночь в загадочном замке с Клаусом и Юргеном, водкой и шнапсом пройти бесследно не могла.

С этой болью и жаждой Григорий добрался до замкового винного погреба. Огромное такое помещение. Восемь колонн расположились в два ряда и поддерживали сводчатый потолок. Стены облицованы тесаным камнем. Температура круглый год постоянная. Все заполнено бочками, бутылками и запечатанными кувшинами с вином местным и привозным.

Гриша поискал глазами что-нибудь стаканоподобное. Не нашел. Тогда прилег у одной из бочек так, чтоб вино капало прямо в рот. Получилось очень удачно. Жажда и головная боль потихоньку ушли.

Но тут случилось нечто неприятное. В погребе запахло сигаретным дымом. Григорий этот запах не переносил сильнее, чем удар молотка по пальцам. Источник запаха все приближался и приближался, будил ужасные воспоминания.

Подростком Гриня покуривал. Чаще всего за углом школы, но иногда и дома, в форточку. Был пойман отцом и нещадно поколочен. С тех пор Гриша не курил и не выносил запах табака в закрытом помещении.

Как оказалось, дорогу в винный погреб нашел не только он, но и обладательница шестого размера. Гриша видел эту девицу на экскурсии и слышал, что звали ее Нонна. Он был бы счастлив показать Нонночке все сокровища погреба, но с курящей девицей иметь дело не мог.

Все это он Нонне и высказал. Громко. Удивительно, но она тут же затушила сигарету. На поиски урны они отправились вместе. Гриша поддерживал красавицу под локоток. Достой-

ное место с горкой песка нашлось в дальнем углу погреба. Окурки там и закопали. А в процессе наступили на связку ключей.

Григорий рассматривал находку с профессиональным интересом. Показывал Нонне бородку, шейку и головку каждого ключа, объяснял, зачем нужно ушко. Нонна в ключах ничего не понимала, но слушала очень внимательно. А Гриша заливался соловьем.

Обоим особенно понравился небольшой ключик. Гриша высказал предположение, что тот от какой-то витрины.

Для проверки своей идеи Гриша обнял красавицу за талию и повел к винному шкафу, продолжая с успехом и наслаждением лекцию о ключах, замках и винах. Нонна с восторгом слушала и не пыталась стряхивать макаронные изделия с ушей.

Ключик с легкостью открыл дверцу шкафа. Гриша ловко поймал бутылку, которая выпала прямо ему в руки. Повертел, рассматривая этикетку с удивительной картинкой, но не понял ни одной буквы. Там были какие-то слова, круги, звезды, странные знаки. Гриша подумал, что рисунок этот важный. Почему важный и для кого важный, неясно. Но лучше его запечатлеть. Достал телефон, сфотографировал картинку многократно. Еще и зарисовал на сигаретной пачке, которую изъясил у Нонны.

Секрет надписи-рисунка так сблизил обоих, что Гриша решил зайти в отношениях дальше. Наклонился и...

И проснулся в кабинете на жестком неудобном диване. В руках сжимал связку ключей, телефон и пустую мятую сигаретную пачку. И тут же вспомнил о винном погребе.

– Надо будет Клауса с Юргеном туда сводить, – решил Григорий, но засомневался. – А был ли погреб?

И вновь провалился в дрему.

Глава 5. Когда они проснулись

Григорий проснулся от встряски. От замечательного сна отошел не сразу: ошарашено обвел глазами собутыльников, помотал головой, чтобы сновидение отогнать, помахал руками, улыбнулся.

– Хорош дрыхнуть! Полдень скоро, – шумел Клаус. – Вы тут не дрались ночью, случайно? Чья кровь на столе?

Юргену попытка заговорить не удалась, видать, в горле так пересохло, что язык отказался ворочаться.

– Ты че? Мы ж друзья, – за двоих ответил Гриша.

– Может, у кого-то кровь из носа пошла? Вы видите пятна на столе?

– Пятна вижу, нос целый, диван, где спал, чистый, – отчитался Григорий.

– А мальчик? Кто-то видел его? Юрген, что скажешь?

– Может, это вино? – Гриша облизнулся, вспоминая одну из приятностей сна.

– Гриша, ты где вина успел хряпнуть? – прохрипел Юрген.

– В винном погребе, который мне снился, там бочек с виномдохрена. Лежал я, открыв рот, прямо под краном. И в него красное текло само. А потом пришла она, – мечтательно отозвался Григорий.

Беседу прервал механический голос, который приглашал всех в столовую. Собутыльники рванули к питательному пункту.

Едва шагнув за порог столовой, Григорий огляделся в поисках Нонны. Проверить хотел сон, посмотреть, как она встретит его.

«Девушка вроде ничего, – подумал Григорий, – размер и впрямь шестой. Но подождем. Там видно будет».

Только он бросил взгляд, Нонна порозовела, захлопала глазами и кивнула на стул рядом. Жаль пообщаться не удалось, гомон туристов помешал. Замолчал народ лишь когда экскурсовод крайне вежливо велела всем убраться вон из замка. В Гришины планы это не входило. У него только-только начал разворачиваться роман.

– Мне сон такой странный приснился...

Нонна повернулась вполоборота к Григорию и придвинулась ближе. Могучая дамская грудь уперлась в широкую мужскую ладонь. Нонна прижалась теснее и прошептала, но не Грише:

– Держи, это ты, Санек, потерял в моем сне, – вынула она из декольте сложенный лист бумаги и отдала малолетнему блондинчику.

– А мне приснился дивный погребок. Не он ли тут обозначен? – взгляделся Григорий в записку.

Как случилось, что Клаус, Сашка, Нонна и он отправились на поиски винного погреба, Гриша пропустил. Он рассматривал декольте, из которого красавица достала план на бумаге, и строил планы по добыче оттуда чего-нибудь еще. Очнулся только, когда Клаус поинтересовался, есть ли чем опохмелиться в погребе.

– Не только опохмелиться, но и радость жизни ощутить. Там шкафчик винный чудной есть, – с гордостью поделился Гриша частицей сна.

Нонна подхватила его под руку, и честная компания двинулась в каминный зал.

– Григорян, смотри, какая-то дверь! – фамильярно заорал Саня.

– Нам туда надо? – подняв бровь, поинтересовался Гриша. – Если надо, так сделаем вход. Держи.

Отдал Сашке шоппер, с которым никогда не расставался, закатал рукава, на секунду закрыл обзор широкой спиной и картинно распахнул дверь.

– Пожалуйста!

Взгляд Гриши сфокусировался на дверном проеме, куда нырнули спутники. Нонна фыркнула, Клаус ехидно улыбнулся. За дверью не нашлось ничего, кроме паутины.

– Опять замок со мной замками играет... – грустно констатировал Гриша.

– Алкоголем тут и не пахнет! – заявил Сашка.

– Нас и каминный зал устроит. Отличное местечко. Диваны, кресла, столик. – Игриво поглядывая на Гришу, Нонна плюхнулась на диван.

Гриша достал из протянутого Сашкой шоппера стаканы и уселся рядом с Нонной.

– Григорянц, да ты просто находка! – закрыв пинком дверь, Саша устроился на другом диване и кивнул Клаусу. – Падай рядом!

Сашка разлил вино по стаканам и ехидно улыбнулся.

– Ну че? За призраков?

Клаус пить за призраков отказался и завел песню про прадеда, прабабку, бусину, которая в норме синяя, а в случае опасности краснеет.

– Офигеть, до чего техника дошла! – Сашка протянул руку, выхватил бусину, высоко поднял и повертел.

– Прямо смарт-подвеска, – хохотнула Нонна.

– Н-н-нанотехнологии, – запинаясь, вторил ей Григорий.

Бусина запульсировала красным. А щеки Клауса стали ярче бусины. Причиной тому стали Сашины руки, с которых инспектор не сводил глаз.

– Ты че на меня пялишься, как на таракана? – Санек легонько ткнул Клауса в плечо.

– Нет-нет, все нормально. Давайте тяпнем еще. Как говорится, между первой и второй перерывчик небольшой.

– За любовь? – Сашка явно строил глазки Клаусу.

– После второй не закусывают, – наливая сразу по третьей, скомандовал Григорий. Хотя закуски у них с собой и так не было.

– А давайте на брудершафт! – протянул стакан Клаус.

Гриша негласно предложение поддержал, выпил, тут же испытал смесь нежности и страсти. И смесь эта требовала выхода. Он решительно посмотрел на женщину-мечту и чуть не пропустил признание Сашки.

– Приятно познакомиться, я Александра. Ну девушка я. Уж извините.

– Пора за добавкой?

Веселая компания вывалилась из каминного зала и, перебрасываясь шутками, направилась в сторону столовой. Только Нонна покачнулась, схватилась за Григория и жарко шепнула:

– Предлагаю затеряться.

– В районе хозяйской спальни, – тут же поймал нужную ноту Григорий.

Сладкая парочка развернулась на сто восемьдесят градусов и шмыгнула на винтовую лестницу.

Глава 6. Вот это да!

На кого была рассчитана эта лестница Гриша не понял: узкая и крутая, на ступеньку даже детская ножка не встанет. Но идти поодиночке в такой темноте просто неправильно, поэтому он крепко обнял Нонну. Так они поднимались, пока не решили, что пришла пора целоваться. Прижал Григорий Нонну к стене, а стена-то дверь в кабинет оказалась.

– Упс, промашка вышла, – хохотнул он.

Нонна засмеялась в полный голос.

– А здесь нехило кто-то попирировал, – ткнула она пальчиком на остатки ночной пирушки, чем привела кавалера в смущение.

– Да это мы тут с Клаусом и Юргеном ночь коротали. Может, и нам с тобой принять по чуть-чуть для сугрева? – разливая остатки шнапса, предложил Гриша.

Махнули. Допили все, что было, присев на край стола.

Нонна взглянула на Гришу, а он на нее и... увидел за ее спиной шкаф со стеклянной дверцей, а в шкафу – графинчик полный. Гриша даму свою обошел, дверцу открыл и за графинчик правой рукой ухватился, а тот с места не сдвинулся. Нонна хоть и обиделась, но с тайным интересом наблюдала то ли за графином, то ли за Гришей. Ехидно хмыкнула, когда и вторая попытка не удалась.

– А вот мы его враскачку! – почти трезво решил Гриша.

Раздался щелчок, и часть дальней стены отъехала в сторону.

– Охренеть! – выдохнула парочка хором.

Подожли они к открывшемуся проходу: вверх уходили ступени винтовой лестницы, пахло затхлостью и птичьим пометом.

Нонне вся эта антисанитария не сильно понравилась.

– Хорошо, что мы продези-дезинти-продезифицировались, – хмыкнул Григорий, – пойдем посмотрим.

– С тобой хоть на край света, – игриво тыча Гришу в плечо, ответила красotka.

Лестница оказалась ещё более узкой и крутой, чем предыдущая. В синеватом свете телефона можно было рассмотреть комки пыли на стенах и гуано на ступенях. По Гришину разумию, этот момент весьма подходил для чтения стихов. Он повернулся вполоборота к Нонне и специально глухим и мрачным потусторонним голосом начал:

В древнем замке гаснут свечи.

Страх клубится по углам.

Слышны вздохи, стоны, речи,
Призрак бродит где-то там.
Но не бойся, дорогая
Я твой рыцарь и герой.

– Да пошли уже скорее. Надоел мне геморрой, – прервала декламацию Нонна.

Гриша тяжело вздохнул и решил зайти с другой стороны.

– А знаешь, у меня вот домовая имеется. Хочешь, покажу? – хлопнул он по шопперу.

– Главное, чтоб у тебя Василисы Прекрасной не оказалось, – парировала Нонна.

– Зря ты, – вновь вздохнул Гриша. – Помнишь Клауса и его семейную реликвию – бусину?

Там какой-то пра-пра-пра-пра-родственник отправился на свадьбу в гости. Вроде даже в этот замок. Но пропал. По легенде, реликвия меняет цвет, если...

– Клаус допьется до чертиков, – констатировала Нонна. – Обычный гаджет типа умных часов. Давление измеряет или состав крови как-то считывает и прочее, и прочее.

Видно было, что дама разозлилась.

– Продолжишь бред нести – уйду.

– Молчу, радость моя.

Лестница закончилась. Гриша с Нонной оказались у порога хозяйской спальни.

– Вот те на, – быстро сориентировался Гриша и потянул Нонну за собой. – На этом поиски закончим?

– Может, и закончим, – игриво ответила красавица, – но только найдем, где «носик припудрить» и ручки помыть.

После похода по лестнице подошвы ботинок стали скользкими, ноги Григория разъехались, и Нонна в них благополучно запуталась. Так, держась за руки, они начали полет, будто две птицы. Вполне ожидаемое пике завершилось на большой, но не очень мягкой кровати.

Спустя несколько минут кровать начала сильно раскачиваться и дрожать. Страшный демонический хохот сопровождал это явление. Нонна с ногами залезла на кровать. Любая женщина показала бы свой испуг. Особенно если рядом надежный мужчина, защитник.

– Нонночка, свет мой, ближе будь. Я тебя защитю. Ой, зачиссю. О! Защищу. – подвывал и раскачивал кровать Гриша.

– Дурнина! Испугал меня. И так нервы ни к черту, – схватив подушку, Нонна начала отбиваться от «призрака».

Тот ее обнял еще крепче.

– Этак ты всю красоту мою растрясешь, – продолжила сопротивляться Нонна, все сильнее и сильнее прижимаясь к Григорию.

И все, что могло бы произойти между красивой женщиной и brutальным мужчиной, почти произошло. В самый пиковый момент рухнул балдахин: то ли старинная кровать оказалась с секретом, то ли обиженные демоны оказались причиной. Борьба с балдахином развернулась не на шутку. Гриша и Нонна вышли победителями, хотя и слегка потрепанными.

Обнявшись и не переставая хохотать, парочка отправилась на поиски клозета. Нашли быстро. Дверь оказалась за шкафом. Гриша уже слюни и руки распустил. А Нонна перед его носом дверь захлопнула. Правда, пару минут спустя позвала.

Повторять было не нужно. Григорий молнией ворвался в помещение.

– Гришенька, тут слив не работает. Починишь?

Григорий пробурчал что-то вроде: «Я слесарь, а не сантехник». Но за дело взялся активно. Нонна мешала советами, как могла. Гриша сначала что-то подергал, потом посмотрел, пошатал, заглянул, надавил, оценил. Достал из шоппера ключ 12х14, рублевой монетой дополнил, пассатижи приготовил, потянул. Да так и замер в полусогнутом состоянии, с оторвавшимся, вместе с куском стены, бачком в руках.

– Твою ж дивизию! Сходили пописать.

Нонна засуетилась, то под рукой Гришиной посмотреть попыталась, то поверх плеча. Увидела. В открывшейся нише притаился старинный сундучок.

Ларец вынули, бачок аккуратно прислонили, дырку закрыли, потащили сундук на кровать.

– Шкатулочка-то с секретом, – задумчиво произнес Гриша. – Но мы к ней, как к женщине, за которой ухаживаем. Тогда она нам свои секреты и раскроет. Нежно коснемся кончиками пальцев тут и там. Погладим ласково, не пропустим ничего. Всюду, где выступает, покрутим и надавим, оно нам и покажется. Во все тайные уголки заглянем, поговорим и пошепчем. Подуем и поцелуем. Глядишь, и отдастся она нам.

После еще пары ласковых пассов мужских рук старинный замок поддался. Нонна нетерпеливо откинула крышку и завизжала.

– Мы богаты! У меня будет замок.

– У нас, – поправил ее Григорий.

Послесловие

Все драгоценности в сумку Нонны не вместились, оставшиеся в Гришин шоппер сложили. Пустой ларец спрятали в шкаф. Спокойно спустились на первый этаж.

В холле встретили Клауса. Инспектор на себя был похож только наличием бутылки, к которой постоянно прикладывался. Щеголеватый вид сменился на сильно бомжеватый. Грязный с головы до ног Клаус ни на какие вопросы не отвечал, только сипел и бормотал: «Шайсе, шайсе, шайсе!»

– Здесь полный аллес капут. Я сваливаю, – наконец членораздельно высказался он. – Вы со мной?

Гриша и Нонна не сговариваясь кивнули.

Нонна спросила про Сашу. Клаус только рукой махнул.

– Сматываться надо.

Григорий хотел подхватить Нонну под руку, но та развернулась и отправилась на поиски чемодана. Не нашла и объявила, что налегке проще, и тут же потащила Гришу к выходу.

На закате Клаус, Гриша и Нонна перешли по мосту замковый ров. Там их уже ждал Юрген со своим кузнечиком.

– Я туристов всех отвез, а сам за вами вернулся, – смущенно улыбнулся водитель.

– А вот и багаж мой нашелся, – Нонна равнодушно посмотрела на комод на колесах. Увидев горшок с геранью, тут же всучила его Юргену для жены.

– Давай, друг Юрген, увози нас, – разрядил обстановку Григорий.

– Вы только, это... Не бросайте меня. Давайте хоть мимоходом ко мне, а? Брушке моей скажите, что я с вами был, а уехать не смог. А я уж вас потом куда хотите отвезу.

Григорий переглянулся с Нонной и кивнул.

В автобусе ехали молча. Клаус – в раздрае, Нонна – в нетерпении, Юрген переживал за Брушку, а влюбленный Гриша любил всех.

Юрген остановил автобус у дверей своего дома и еще раз позвал всех зайти.

– Добрый день, мадам, – галантно сказал Григорий, потом спохватился, – фрау Брунгильда. Мы тут это... Кароче. Ваш муж нас всех спас.

– Муж? Это какой муж? – Брунгильда сдерживала гнев – в руках скалка. Того и гляди этого самого мужа раскатает. Глаза припухшие, волосы выбились из пучка. Видимо, всю ночь не спала.

– Не понял. У вас еще один муж есть? – постарался обратить все в шутку Гриша. Потом понял. Шутка не удалась.

– Еще один? Да одного б видеть. Шастает где ни попадя! – в голосе Брушки просквозила не злость, скорее, переживание.

– А попить дадите? А то так кушать хочется, что переночевать негде, – ввернул Гриша, надеясь озадачить Брушку и перевести стрелки.

– Да, Бруш, ну... гости к нам... – из-за спины Гриши выглянул Юрген, посмотрел на скалку, на жену, шепнул, что она, как обычно, стресс снимала на кухне. Повел носом. – М-м-м, рыбная запеканка?

Брунгильда фыркнула, на щеках промелькнул румянец.

Гости ели и нахваливали кулинарный талант Брушки. Она так смутилась, что даже бутылку домашнего вина поставила. Но не пили, не пошло.

У Юргена долго не задержались. Нонна жаждала немедленной оценки сокровищ.

В Лестене не нашлось ни одной ювелирной лавки, зато встретился ломбард. Решили отправиться туда к открытию, отнести самое крупное украшение. В поисках лучшего экземпляра вывернули все содержимое шоппера на гостиничную кровать. Среди сокровищ затесались три граненых стакана, гаечный ключ 12х14, пассатижи, маленький силуэтный замочек и большой тумблерный замок Роберта Бэррона, остатки позавчерашней «ссобойки»... и паспорт с открытой визой. Наличию документа Григорий обрадовался куда больше, чем редким замкам.

Ранним утром владельцы ценностей отправились к оценщику. Протянув эксперту огромную сверкающую брошь, Нонна скрестила пальцы и облизала губы. Украшение не признали ценным.

– Этот «специалист» не профи, а профан, – успокаивал Гриша. – Надо искать другого.

Увы, в ювелирных соседних маленьких и больших городах им отвечали: «Это отличная подделка».

Раннее летнее солнечное утро в небольшом городке. Уютная маленькая кухня в квартире на девятом этаже. Пахнет кофе и жареной колбасой. За столом – он и она. Григорий уже позавтракал, убрал грязную тарелку, водрузил на стол ящички и коробки, холдеры и контейнеры с коллекцией замков и замочков. Нонну эти железки периодически раздражали.

С утра кофе, который Нонна пила из большой зеленой чашки, примирял ее с окружающим миром. Она лениво скроллила ленту новостей и улыбалась мужу. Протянув руку к вазочке с печеньем, замерла, изменившись в лице. Телефон упал на стол. Нонна взвыла, прижала руки к лицу, раскачивалась словно неваляшка: плечи ее тряслись, а грудь колыхалась подобно бурному морю.

– Не там мы с тобой уединились в замке, Гриша. Ох не там!

Недоумевая, Гриша взял телефон супруги.

«Невероятная находка! В замке Летцефестунг открыта новая экспозиция. Впервые выставляется коллекция старинных украшений, найденных в ходе реставрационных работ в одном из подвальных помещений. Стоимость коллекции оценивается в сотни миллионов евро».

Гриша крикнул, поскреб подбородок и, желая успокоить, обнял жену.

– Всю жизнь я мечтала о замке, а получила хозяина замков, – отняв руки от лица, захотела Нонна. – Ну, показывай свои сокровища, – чмокнув Гришу в ухо, она с любопытством уставилась на коллекцию.

КАТЯ

Юлия Еремеева

<https://vk.com/bukkim>

«Внимание! Из-за сильного снегопада в Москве все рейсы из аэропорта Мюнхена по направлению Мюнхен – Москва в ночь с девятого на десятое февраля отменены. Вы можете выбрать другие рейсы нашей авиакомпании из списка ниже. Приносим свои извинения за доставленные неудобства. Не забудьте оставить отзыв о работе компании „Баварские авиалинии“ на нашем сайте».

Катя выругалась. Ну почему в Москве февраль всегда такой снежный? И угораздило же маму родиться зимой... В списке предстоящих вылетов на трех страницах, конечно, не осталось ни одного свободного места на ближайшие пару недель. Придется сдавать билеты, вот же невезуха!

Катя быстро проверила сайты других авиаперевозчиков: все уже или выкуплено, или цены такие, что хоть в космос лети! А ведь она покупала билеты месяца за три, сразу, как согласовала отпуск с фрау Вебер. Теперь ни Москвы, ни нормального отпуска. Противная эйчарка опять откажется его переносить: и так в декабре пошла навстречу и сдвинула на целые сутки! Для педантичных немцев отпустить на день раньше такого ценного сотрудника, как практикантка Катерина Верестова, уже за гранью фантастики. Перенос же отпуска целиком, когда он уже согласован и даже полностью выплачен, вовсе невозможен. Вот надо же было после вуза устроиться не в тихой конторке где-нибудь на окраине Москвы, как советовала мама, а отправиться по обмену в Германию! В результате ни нормальной работы, ни учебы толковой, ни отпуска.

Писать или звонить маме Кате не хотелось от слова совсем. Опять начнется бубнеж про нерадивую дочь, ходячее горе и тотальное неуважение к любящей матери. Поэтому Катя с горя пролистывала в интернете страницу за страницей в поисках уважительной причины для отмены поездки. Терки с фрау Вебер, прогноз погоды и отмена всех возможных рейсов не произведут на маму должного впечатления.

Нашла. Экскурсия в Летцтефестунг или «Последний оплот» все равно вызовет недовольство, ну его хотя бы можно будет скрасить обещанием привезти симпатичные сувениры из настоящего немецкого замка. Ехать в горы, конечно, не хотелось, но не торчать же в Мюнхене все две недели. А так экскурсия на пару дней, может, за это время и вопрос с рейсами решится сам собой. Цена оказалась неплохой, вполне по карману студентке и практикантке, отправление из Лестена, городка рядом с замком, завтра, вполне можно будет добраться из Мюнхена на электричке меньше чем за час. Вполне неплохо по меркам такой большой земли, как Бавария.

Вылет из Мюнхена был запланирован на час ночи, поэтому чемодан давно стоял упакованный. Разбирать его Катя не стала, легла спать, только будильник поставила на три утра. Отправление из Лестена было в шесть, опаздывать ужасно не хотелось. Маме черкнула только про изменение вылета. Будут магниты и баварские колбаски с козым сыром, тогда уже про поездку в горы подробно и расскажет. Нужно же хоть иногда отдыхать ото всех, правда?

Утром Катя встала, кое-как собралась еле живая и вышла с чемоданом к ближайшей станции метро. Поезд приехал удивительно быстро и полупустой, так что на вокзале она оказалась вовремя. Оттуда – на электричку, а там – привет Лестену.

Нужный автобус уже стоял в точке сбора и принимал первых пассажиров. От его вида Кате захотелось взвыть и вернуться домой, но экскурсию и проживание в замке она полностью

оплатила еще вечером. Драндулет, ни разу не похожий на зеленый фликсбус, прибыл в город явно из прошлого века. Лучше бы он там и остался. Водитель, перешучиваясь с прохожими и будущими экскурсантами, помог загрузить чемодан в багажное отделение и даже подсказал свободное место. Ладно хоть рядом с окном, можно видами по дороге нормально полюбоваться. Если, конечно, Катя рассмотрит что-нибудь в утреннем полумраке.

Интернет предсказуемо пропал прямо за городом. Ну что за невезение? Вроде цивилизация, а стоит уехать на пару десятков километров от крупного города, так все, пиши пропало! И ведь, если что, даже найти не смогут, разве только телефон вычислят по включенной геолокации. Кате хотелось верить, что это свойство мобильного в ближайшее время ей не пригодится.

Пейзаж в горах оказался невероятным. Катя не обращала внимания ни на пассажиров, ни на байки водителя, она прильнула носом к слегка запотевшему стеклу и наслаждалась видами восходящего солнца. Оно медленно поднималось и все ярче освещало отвесные скалы вокруг, последнюю предгорную зелень и снег на острых вершинах. Туман в долинах наливался розовым, как и небо над головой, удивительно чистое и безоблачное. Московский снегопад казался нереальным рядом с окружающей красотой, которой хотелось любоваться снова и снова.

Утренние лучи постепенно сменили розовый цвет на золотистый, и глазам стало больно от огненного солнечного света. Поэтому Катя старалась смотреть не на искрящийся вдоль дороги снег, которого с каждой минутой становилось все больше и больше, а на сосны и ели, мимо которых мчался автобус по кажущемуся невероятно опасным серпантину. А может, вовсе и не кажущемуся...

Неподалеку от пункта назначения автобус остановился. Водитель вышел вместе с экскурсантами и махнул рукой в сторону видневшегося на краю отвесной скалы замка. Старинный, стройный и в то же время монументальный, он казался помесью Нойшванштайна и Ласточкиного гнезда и невероятно притягивал взгляд. Катя не удержалась и схватилась за телефон. Жаль, не додумалась позвать кого-нибудь из подруг с собой, слишком резко поменялись планы. От нормального фото на фоне искрящегося на снегу замка Катя бы не отказалась, но пришлось сделать лишь пару селфи. Любимая красная шапка с помпоном, которую давным-давно связала мама, и растрепанные каштановые волосы яркими мазками выделялись на фоне окружающей белизны. Жаль, времени для фото выдалось мало.

Хлипкий мост, перекинутый через широкий и глубокий овраг, не вызвал доверия. Но раз через него уже прошла толпа туристов, значит, сгодится и для Кати. Печалило только затянувшееся отсутствие интернета и понимание, что ни одну из фотографий Катя так и не скинет сегодня в Телеграм. Придется копить до возвращения в Мюнхен. Пока же она фотографировала на любимый самсунг все, что попадало в поле зрения.

У входа в замок встретила симпатичная, немного напуганная блондинка, представилась гидом Мартой, вручила небольшую брошюру и пошла к другим туристам. Катя уставилась на огромные, в два человеческих роста, ворота замка.

Часы на дальней башне пробили полдень.

Катя с радостью схватила чемодан и одной из первых поднялась по ступенькам в замок. Все-таки стоять зимой на морозе – то еще удовольствие, даже в теплой куртке.

– Простите, а где здесь гардероб? – спросила она Марту, которая с удивлением уставилась на чемодан.

– Направо по коридору, – запнувшись, ответила гид. – Пойдите, а вы зачем чемодан с собой взяли? Наша экскурсия рассчитана всего на пару часов!

Марта ахнула, увидев, что чемоданы в замок вкатили и другие гости, и тут же убежала разбираться. Катя пожалала плечами и повернула к гардеробу. Раздеваться-то все равно надо, не стоять же в коридоре в куртке, в замке для этого слишком натопили.

– Чемодан не возьму! – заупрямилась гардеробщица. – Ладно б твой, девка, один такой был, но вас же тут толпа целая! Вот на кой ляд ты свой приперла, скажи-ка, а?

– Так на сайте агентства писали, что экскурсия два дня идти будет, и Юрген, водитель ваш, подтвердил, – Катя вздохнула и протянула куртку. – Хоть бы тогда часть суммы вернули, что ли, денег-то за полные два дня взяли!

– Ну, это, девка, не ко мне, – фыркнула гардеробщица и протянула номерок. – Все, брысь отсюда, сейчас как остальные навалятся, жуть, что будет.

Катя пожала плечами и отошла. Гардеробщица говорила на немецком, который Катя знала хорошо, в отличие от большей части гостей. Впрочем, активная жестикуляция гардеробщицы, громкий голос и типично немецкая комплекция позволяли отлично справляться с языковым барьером, так что в переводчице она особо не нуждалась. Да и Катя не стремилась помогать гостям. Еще снесут, чего доброго. Девушка она хрупкая, нервная, еще и виноватой, если что, останется.

Марта стояла в углу у входа и на весь холл ругалась по-немецки с Юргеном. Отдельные слова из их общения Катя слышала впервые.

– Простите, – Катя все же рискнула обратиться сразу к обоим, – так что с чемоданом-то делать? Ваша гардеробщица его не берет.

– Только этого не хватало, – Юрген схватился за голову, – пускай Марта решает: как скажет, так и будет.

– Постой пока с ним здесь, – едва сдерживая слезы, выдавила Марта. – Я сейчас наверх сбегая, созвонюсь с организаторами, потом отвечу всем на вопросы.

– О, тогда уточните у них насчет возврата за проживание, вдруг пойдут навстречу! – бросила Катя в спину уже убегающей вверх по лестнице Марте, но та в ответ лишь махнула рукой.

Катя вздохнула. Надо же было так опростоволоситься! Но ведь на сайте в самом деле писали, что экскурсия продлится два дня! Жаль, интернета по-прежнему не было – не убедиться в информации еще раз.

– Простите, а у вас здесь есть вай-фай? – на всякий случай спросила Катя стоящего рядом Юргена.

– Да без понятия, – тот пожал плечами. – Я вообще сюда первый раз приехал. Чтобы я еще раз послушал этого Йонаса! Еще и обвиняют не пойми в чем!

От Юргена можно было прикуривать, тот пыхтел не хуже тульского самовара, который они как-то в детстве с бабушкой кипятили на даче. Катя с трудом сдержала усмешку и отошла подальше. На всякий случай.

Насчет чемодана она не переживала. Все необходимое давно лежало в сумке через плечо, так что отдать багаж на хранение могла с легкостью, а пока прислонила его к стене, забралась с ногами на ближайший подоконник, достала телефон и стала фотографировать оттуда холл замка и внутренний дворик. Снимки получались белоснежными, как после фильтра, а от огней хрустальных люстр в холле все искрилось и переливалось так, что дух захватывало. Шум и гам туристов на фоне великолепия замка казались такими мелочными, что Катя старалась просто не смотреть в их сторону. Совсем она онемечилась в Германии, как ни крути.

Марта вернулась минут через десять-пятнадцать. Взъерошенная. Едва не плача, сказала, что не дозвонилась до агентства, и извинилась перед гостями. Напомнила, что экскурсия продлится два часа, а затем гостей ждет обед в стиле девятнадцатого века. Попросила оставить чемоданы с Юргеном, чтобы тот отнес их в автобус. Возмущение туристов поднялось до небес. Катя же только пожала плечами. Раз не у нее одной такие проблемы, значит, точно вернут переплату. В конце концов, сами виноваты, надо было сразу правильную информацию указывать на сайте. Так что она спокойно слезла с подоконника и перекатила чемодан к начавшей образовываться у входа куче.

Экскурсия Кате понравилась. Шестиэтажный замок изнутри оказался совсем небольшим и очень уютным. Гостям показали четыре спальни, включая детскую, а вот в комнату прислуги не пустили. Спальни хозяев были невероятно красивыми, с зеркалами в пол. На стенах каминного зала висели чучела местных животных. Гостиные пестрели разными цветами, и каждая из них будто хотела перещегоолять другую. Но больше всего Кате запомнилась библиотека. Огромная, двухуровневая, доверху забитая самыми разными книгами, большую часть которых спрятали в запертых шкафах со стеклянными дверцами. Катя пожалела, что не успела как следует рассмотреть даже корешки, не говоря уже о содержимом. А ведь самым новым книгам здесь наверняка исполнилась пара сотен лет! Эх, осталась бы Катя в замке, как было обещано, на пару дней, точно бы сюда вернулась! А так лишь окинула взглядом полки, прежде чем спуститься на этаж ниже в картинную галерею, где среди фамильных портретов обнаружился основатель замка Генрих фон Юнгинген и последний владелец замка Карл фон Юнгинген, который, как рассказала Марта, не дожил до двадцати.

В столовой гостей ждал роскошный праздничный обед. Катя с восторгом потянулась к запеченной рыбе в собственном соку и клюквенному морсу, чувствуя, что после долгой прогулки по замку ужасно проголодалась. Настолько, что даже не оглянулась на огромные витражи, за которыми все быстрее и быстрее кружились снежинки.

Лишь ближе к концу обеда Катя поняла, что снаружи стало слишком темно, а свет от камина дополняли огни люстр. Она присмотрелась к витражам за спиной и потянулась за телефоном, полуразряженным от большого количества фотографий за сегодня. Связи по-прежнему не было. За окнами клубилась белая мгла, сквозь которую не пробивалось ни единого луча солнца. От порывов ветра стекла витражей дрожали так, что от одного взгляда в их сторону становилось не по себе. Катя невольно вспомнила Москву и отмененный рейс. А говорят, что погода движется с запада на восток...

Катя ковырялась в мороженом и тихо молилась про себя одновременно на русском и немецком, когда в столовую влетел запорошенный снегом Юрген и рассказал про бушующую снаружи пургу. Водитель пояснил, что мост засыпало, и у экскурсантов не осталось шансов добраться до машин и автобуса, пока непогода не поутихнет.

В столовой повисла тревожная тишина. Катя тихо взвыла. Все-таки накаркала. Теперь вообще непонятно, как и когда она вернется в большой мир. И вернется ли, потому что в замке, скорее всего, другой еды, кроме той, что еще стояла на столе, нет.

Катя поскорее, пока никто не заметил, слила остатки морса в пустой термос из-под чая, утащила пару последних яблок с блюда и потянулась за тарелкой с пирожными, но не успела. Три оставшиеся медовые корзинки утащила соседка, а печенье – парень напротив. Впрочем, Катя не унывала. В сумке у нее лежали не съеденные в автобусе бутерброды с сыром и пакет с сухарями, которые она хотела оставить на обратную дорогу. Теперь это предстоит беречь столько времени, сколько получится.

Больше всего Катя жалела о любимом пледе, оставшемся в чемодане. С ним она пережила не один перелет и уж точно смогла бы неплохо устроиться в каком-нибудь тихом углу. И, наконец, зарядка телефона. На связь Катя уже не рассчитывала, раз ее не было в хорошую погоду, то и в плохую та вряд ли появится. А ведь в сумке лежал полностью заряженный пауэрбанк. Еще на день его точно хватит. Также с ней остались любимый фонарик и походный дорожный набор с вилкой, ножом и ложкой, взятый непонятно зачем.

Катя еще раз вздохнула и посмотрела в окно. Метель униматься не желала, а паника за столом нарастала в геометрической прогрессии. Марта пыталась успокоить гостей, но даже Катя понимала, что надолго гда не хватит. Поэтому под шумок вылезла из-за стола и тихонько двинулась вдоль звенящих в окнах витражей к выходу из столовой.

За годы жизни в Германии Катя помимо знания языка приобрела еще одно полезное свойство. У нее напрочь отсутствовал пространственный кретинизм, которым славились мно-

гие знакомые. Поэтому, едва выскочив за дубовую дверь, Катя направилась в сторону библиотеки. Раз уж она здесь застряла, хотя бы проведет время с пользой.

В библиотеке еще теплился камин, который зажгли, пока шла экскурсия. Катя нашла висящую справа кочергу и пошевелила угли. Вылетевшие яркие искры бросились во все стороны, и Катя вскрикнула. К счастью, они практически сразу потухли, и камин начал гореть ровнее. Справа лежала стопка дров, Катя подбросила одну из дровишек, и камин с радостью принял подношение.

Катя улыбнулась. Пока все складывалось неплохо. Толпу туристов Марта вроде как планировала разместить на первом этаже, в каминном зале, но Катя к ним спускаться не собиралась. Ясно же, что там не будет ни кроватей, ни матрасов, а спать на голом полу не хотелось. То ли дело гостевая спальня, которая примыкала к библиотеке. Жаль, кровать оказалось незастеленной, ее лишь прикрыли лоскутным покрывалом. Катя сняла его и перетащила в выбранное у камина кресло. Тут она точно не замерзнет.

Стены в библиотеке оказались настолько плотно закрыты шкафами, что никакого выключателя Катя не нашла, сколько ни искала. Рядом с креслами не было ни одной напольной лампы, зато на каминной полке обнаружился подсвечник с тремя свечами. Катя подожгла их от щепки, аккуратно вытащенной из разгоревшегося камина, и перенесла начавший нагреваться подсвечник на небольшой столик рядом с окном. Затем забралась в кресло и накрылась теплым покрывалом. От жара огня в камине Катю разморило, и она не заметила, как уснула.

Разбудил бой часов. Они стояли у противоположной от камина стены и в полумраке библиотеки напоминали еще один книжный шкаф. Катя посмотрела на телефон, увидела на экране четыре нуля и присвистнула. Неплохо так прикорнула, до полуночи! Быстро перекусив бутербродом с морсом, она включила фонарик и на всякий случай потушила едва теплившиеся свечи на столике.

Метель за окнами прекращаться и не думала. Наоборот, ветер выл все сильнее, стекла так и плясали, а из-под рамы ощутимо тянуло холодным воздухом. Катя поняла, что снова уснуть не получится. В очередной раз пожалев об оставленном в чемодане пледе и куче свитеров, припасенных для снежной Москвы, Катя вылезла из-под покрывала и отнесла его во все еще пустую спальню, а когда вернулась, поморщилась.

Огонь в камине почти погас. Зато кто-то из гостей замка, видимо, нашел злосчастный выключатель. Катя тихо выругалась. Где-то в подвале наверняка глючил из-за дикой перегрузки генератор, вряд ли в замке в лесу был доступ к общей сети электроснабжения. В результате свет в библиотеке то зажигался так, что начинало резать в глазах, то полностью гас. Шум за окном сюрреалистично оттенял образовавшийся полумрак, сквозь который, как в дешевом хорроре, непонятно откуда доносился волчий вой. И это в Германии, где и крупные леса-то можно по пальцам пересчитать!

Оставалась надежда на верный фонарик в руке, но и тот подвел в последний момент. Батарейка села. Как не вовремя!

Кто-то из гостей забыл на соседнем кресле плащ, да еще на столике возле камина раскидал книги. Те выглядели очень старыми. Катя нежно погладила потрескавшуюся кожу на обложке одного из томов начала то ли позапрошлого века, то ли еще древнее.

Кому мог потребоваться такой раритет? Интересно, их вообще в руки-то брать можно?

Удивительно, но все книги оказались схожей тематики: про перевод и расшифровку символов. Интересно, каких именно? Катя наугад полистала страницы одной книги. Латынь. Можно было бы открыть приложение для перевода, только зачем? Вряд ли в старинных текстах найдется что-то интересное для нее.

Книги оказались толстенными и тяжелыми. Как их кто-то до кресла донес? Катя собрала тома в стопку и понесла к ближайшим стеллажам. Она уже практически до них дошла, как снизу раздался сильный грохот. Книги тут же посыпались из рук. Катя со слезами бросилась

их поднимать, понимая, что если хоть одну из них повредила, то в жизни не рассчитается с владельцами!

Катя не заметила, как рядом на корточках присели парень и девушка, они ахнули и помогли поднять книги.

– Ух, здоровенные, – парень поднял один из томов и стряхнул пыль. – Куда нести-то? А то у тебя руки отвалятся по дороге!

– В самом деле, зачем самой брать такую стопку? – Девушка улыбнулась и взяла вторую книгу.

– Спасибо, – улыбнулась Катя, подхватывая третий том. – А куда нести, без понятия, это не мои. Кто-то у камина оставил, может, видели?

Парень с девушкой переглянулись и помотали головами.

– Ясно, – Катя горько усмехнулась и кивнула на ближнюю полку. – Думаю, можно оставить где-нибудь здесь. Я Марте скажу потом, думаю, она лучше знает, где книги стояли. Спасибо за помощь!

– Да не за что, – улыбнулась девушка.

Пара синхронно положила книги на полки, девушка взяла спутника под локоть.

– Ты зови, если что, мы тут пока ходим, смотрим все. Интересно тут!

– Не то слово, – усмехнулась Катя и поскорее отошла в сторону, чтобы не смущать парочку. А то кто знает, какие именно книги они хотели рассматривать в полумраке библиотеки.

Когда Катя собралась положить последнюю книгу на полку, к ней подошла еще одна девушка.

– Простите, у вас тут ничего не падало?

– Да, – Катя криво улыбнулась, – книги оказались неожиданно тяжелыми. Но мне уже помогли, спасибо!

– Рада слышать, – улыбнулась девушка. – Вы не видели случайно парня с Микки-Маусом?

– Нет, – Катя покачала головой, – тут народа мало, никого не пропустишь.

– Ясно, спасибо.

Катя проводила и эту девушку взглядом и собралась уйти вглубь библиотеки, как сзади послышался странный шорох.

– Эй, ты чего тут прячешься? – Катя с подозрением посмотрела на выглянувшего из спальни парня с Микки-Маусом в руках.

– И ничего не прячусь, – улыбнулся тот. – Слышал, ты мои книги собирала, – усмехнулся парень, почему-то полусшепотом.

– О, так значит, это ты их раскидал? Ну и зачем тебе шифры, если не секрет?

– Может, попробуем познакомиться сначала? Меня зовут Саша.

– Ты подкатить решил, что ли? Ну, предположим, Катя, – она криво улыбнулась. – Ну и что же ты искал в книгах, Саша?

Парень заметно напрягся. Опустил глаза. Покопался в Микки-Маусе, и на ладонь Кати лег бледно-желтый, обожженный по краям обрывок пергамента размером со спичечный коробок.

– Видишь эту надпись? – Саша осторожно провел ногтем посередине пергамента. – Это руны. Можешь перевести?

– Точно нет. Тут что-то скандинавское, похоже, а я германистка. Другой профиль. – Катя с сожалением развела руками и вернула записку владельцу.

– Ну, попытка не пытка. Похожу тогда, поищу сам, вдруг что найду, а?

– Только не раскидывай больше книги, – Катя поморщилась. – А то я из-за предыдущих чуть с ума не сошла. Ты хоть представляешь, сколько они стоят?

Парень задумчиво посмотрел в сторону шкафов.

- Хм, никогда бы не подумал, что они дорогие. Ладно, учту на будущее. Адьес!
 - Tschüß, – фыркнула «пока» по-немецки Катя и ушла в противоположную сторону.
- Странный этот Саша.

Один из шкафов в глубине зала почти слился с фоном под нестабильным освещением и в то же время умудрился зацепить внимание Кати, проходившей мимо. Скорее всего, тем, что был не застеклен и без красного огонька сигнализации, как на большинстве шкафов. Он стоял в самом дальнем углу, чуть в отдалении, и казался выходцем из прошлых веков, как и книги на его полках. Часть оказалась муляжами, и Катя не сомневалась, что они расположились тут не просто так. То ли занимали место под исчезнувшие по каким-то причинам книги, то ли...

Может, за ними скрывалось что-то иное?

Катя потыкала наугад разные тома, попробовала их вытащить, но ничего не произошло. Зато одна из книг на самом краю полки раскрылась сама собой. Катя посмотрела на нее и обомлела.

«Молот ведьм», он же *Malleus Maleficarum*, или по-немецки *Hexenhammer*. Та самая книга одного немецкого священника на латыни, посвященная описанию ведьминских ритуалов и тому, как их правильно распознать. Катя осторожно ее коснулась и отдернула руку. Сама по себе книжка казалась не примечательной, если бы не иллюстрации. Жуткие, вроде сожжения ведьм в Деренбурге, описания пыток и ритуалов. Катя поскорее ее закрыла и открыла другую. И выругалась. Прямо к обложке был прикреплен скелет кисти. Муляж? Или все-таки нет? Кожа у томика странная, слишком светлая для обычного переплета.

Свет снова мигнул. Книга раскрылась и начала перелистываться сама собой, раскрывая странные картины: ведьмин круг, можжевелевая ветвь, крысиный помет, волчья ягода, какие-то ритуалы, описания растений и животных, про которые Катя никогда не слышала... и описание человеческих органов, правила применения крови в ритуалах... Что за черт?

Катя отскочила назад и ударилась о соседний шкаф. Оглянулась. Все фолианты в нем были одного размера и выглядели как под копирку. Шкаф стоял вроде бы рядом и в то же время отдельно от остальных, вплотную к дальней стене. Катя отпрыгнула от одного из гримуаров, уж больно чернила в нем отливали красным.

К тому шкафу Катя больше ни ногой. В конце концов, она дитя двадцать первого века до мозга костей и ни в какую потустороннюю чушь не верит. Ведь не верит же, правда? Чтобы убедить себя окончательно, Катя повнимательнее осмотрела книги в шкафу, в который только что врзалась. Ну да, книги одинаковые, на корешках только цифры, как на летописях или многотомных дневниках. Шкаф под замком, как и большая часть стеллажей.

Что может связывать шкаф с гримуарами и шкаф с дневниками? В голове пронеслись слова Юргена, что замок проклят, и прочая чушь, которую водитель травил по дороге в горы.

Катя помотала головой и отправилась к лестнице, чтобы найти Марту и спросить, что происходит. Та, скорее всего, пошлет, но попробовать стоило. Уже на лестнице Катю догнал Саша.

– Решила спуститься?

– Угу, Марту ищу, не видел случайно?

– Видел, в каминном зале она, – усмехнулся парень. – Знаешь что... – заговорщически продолжил он. – Ты первый человек в этом замке, кто отнесся ко мне по-хорошему, поэтому я хочу сделать тебе подарок.

В руке Саша держал кулон на цепочке: серебряный череп в обрамлении солнечных лучей.

– Череп открывается, вот так.

Внутри лежал крохотный стеклянный флакончик с красной жидкостью.

– Это духи. Запах – закачаешься!

Саша осторожно вытащил пробку. В воздухе поплыл восхитительный аромат: смесь элитного коньяка, мореного дуба и дорогих сигар. Саша взял Катю за руку и положил амулет ей на ладонь.

– Это тебе. Еще раз спасибо и удачи.

– Тебе тоже, – улыбнулась Катя. – Ты нашел, что искал?

– Пока нет, но еще есть время, правда?

– Смотри, рассвет уже близко.

Катя сунула амулет в карман джинсов, а Саша махнул рукой и убежал.

За окнами начало светать. Вот только под ногами вместо широкой парадной лестницы, ведущей в бальный зал, оказались темные узкие ступени. Катя оглянулась и тихо выругалась – вокруг оказались стены одной из квадратных башен, и ни одного окна! Что происходит? Она в испуге протянула руки в стороны, но так и не дотянулась до каменной кладки. Стены будто ускользали, утекали прочь. Как и лестница, внезапно начавшая двигаться вниз.

Катя закричала и побежала вверх. Кто знает, куда ее утащит ожившая лестница. А так будет шанс выжить. Катя попыталась считать этажи, но сбилась, голова закружилась, перехватило дыхание, но она не сдалась, продолжила считать ступени и пролеты. Без толку, каждый раз сбивалась. Лестница наконец остановилась, а башня потонула в дневном свете. Катя оказалась на квадратной площадке, окруженной стрельчатыми окнами-бойницами.

Неужели это вершина башни? Но зачем Катя здесь?

Буря за окнами бушевала и даже будто корчила рожицы и смеялась ей в лицо.

Бред, разве снег может смеяться? Тогда откуда доносился этот жуткий хохот? И плач?!

Катя вспомнила уроки психологии и закрыла глаза, заткнула уши. Дыхание немного выровнялось, но ненадолго. Плач все так же доносился откуда-то сверху. Катя медленно открыла глаза. Посмотрела на деревянные балки, за которыми наверняка скрывался чердак. Плач доносился оттуда.

Что там случилось?

Посреди площадки появилась деревянная лестница. Катя готова была поклясться, что ее только что здесь не было.

Да что за чертовщина творится?

Крик стал громче. Что-то явно шло не так. Катя поняла, что ее тянет наверх.

Кому-то нужна помощь? Ее кто-то зовет? Женский голос казался знакомым. Катя закусила губу и медленно подошла к лестнице. Та никуда не делась, все так же стояла посреди площадки.

Катя осторожно ступила на нижнюю ступеньку, та предательски скрипнула, но вес выдержала. Она сделала следующий шаг. Еще один. И еще. Среди старых, потемневших от непонятно откуда взявшейся влаги досок в потолке скрывался люк. Крик доносился оттуда. Катя дернула крюк крышки – заперто. Выругалась и сильнее толкнула круглую дверцу. Постучала и закричала не пойми кому:

– Эй, есть там кто-нибудь?

Не ответили. Крик на секунду затих, сменился стоном и плачем. Катя провела рукой по двери и отшатнулась, с трудом удержавшись на зашатавшейся под ногами лестнице. След от ладони на глазах покрылся инеем.

Что за ерунда?

Катя осторожно спустилась в поисках ключа. Поправила вновь заскрипевшую лестницу, обошла подоконники один за другим. Собралась было отправиться за помощью, как что-то блеснуло под одним из горевших по углам светильников.

Ключ! Он оказался старинным, медным и очень тяжелым. Ничего общего с ее связкой от квартиры в Мюнхене. Впрочем, а каким еще должен быть ключ от чердака замка? Катя резко стянула его с крючка и бросилась назад к деревянной лестнице. Крик наверху затих, а шум стал

глуше, словно пробивался через завесу, становившуюся все плотнее и плотнее. Катя закусила губу и повернула ключ в двери люка, получалось с трудом и диким скрипом. Похоже, им давно не пользовались.

За дверью царила зима. Катя вздрогнула, но все же полезла внутрь. Вьюга ворошила листы бумаги и забытые кем-то предметы, в хаосе разбросанные посреди чердака. Крик доносился из-под самого купола башни. В очередной раз пожалев об оставленной в чемодане теплой одежде, Катя зябко передернула плечами и осторожно пошла вперед. Под самой вершиной крыши носилась птица и кричала. Вокруг нее кружилась вьюга, все сильнее сжимавшаяся вокруг небольшого гнездышка, в котором так по-детски плакали птенцы.

Катя вздрогнула. Окна на чердаке оказались распахнуты настежь, и ветер носился повсюду, как у себя дома. Где-то, то ли в стенах, то ли в крыше, наверняка скрывались щели, раз птица рискнула устроить гнездо прямо под потолком. А может, она залетела сюда через дымоход?

Рамы у окон поддались с трудом. Катя с трудом закрыла одну створку за другой, борясь с пронизывающим холодом и ветром.

Черт, можно же простудится! Но спасти птенцов важнее.

Стекло в одном из окон треснуло от мороза и высыпалось наружу. Катя вздрогнула и отскочила назад. Ее ладони покраснели от выступившей крови.

В глазах набрались слезы от боли и усталости. Катя помотала головой, чтобы не расплакаться и не отморозить еще и глаза. Почти на ощупь поискала что-нибудь на столе, на который случайно наткнулась. Порезанными руками схватила что-то теплое и подтянула к лицу.

На столе вспыхнул старинный керосиновый фонарь.

Откуда он тут взялся?

Впрочем, Катя устала удивляться причудам чертова замка. Она схватила фонарь и подбросила под самый потолок. Раз в нем горит огонь, он должен отпугнуть злосчастный снег.

Керосин из лампы должен был потечь на пол, но почему-то устремился вверх и в стороны, с грохотом выдавив стекло и скрывавшийся за ним огонь. Фонарь упал на пол и со звоном покатился по полу. Снег сменился жаром, Катя закричала и... открыла глаза.

Дзинь, дзинь, дзинь.

Вниз по парадной лестнице катился серебряный кулон. Тот самый, который подарил Саша и который Катя небрежно сунула в карман джинсов. Когда она успела его вытащить?

Кулон докатился до конца лестницы и раскрылся. Катя бросилась за ним и заметила, что внутри духи заблестели алым и запахла кровью. Так же, как ладони Кати. Она посмотрела на руки и взвыла: кровь сочилась из мелких порезов, пятная дорогой ковер. Под ногами блеснул не пойми откуда взявшийся снег, который на глазах превращался в мокрые лужи. А на самом верху лестницы стоял целый керосиновый фонарь.

Часы где-то снаружи замка пробили полдень.

Катя в испуге отпрянула от лестницы и чудом не наступила на кулон.

Что происходит? Что за странные шутки сумасшедшего замка?

Она осторожно, сама себе не веря, поднялась по лестнице и присела рядом с фонарем. Огонь внутри горел ровным светом. Катя усмехнулась.

– Ну привет, – шепнула она фонарю. – И что мне с тобой делать?

Огонь внутри мигнул от ее дыхания и что-то весело прощелкал в ответ. Катя горько засмеялась. Нет, это не замок сошел с ума, а она! Уже с фонарем разговаривает!

Руки противно саднили, а горло слегка пощипывало. Все-таки простыла на местных сквозняках. Катя хотела взять с собой фонарь, но передумала. Не хватало в ссадины какой-нибудь гадости с него зацепить, кто знает, где этот фонарь раньше стоял? Ну не свалился же он в самом деле с чердака на ее голову, правда?

Катя спустилась по лестнице, прихватила одними пальцами все еще лежавший на ковре кулон, захлопнула его и собралась к следующему пролету, как услышала из галереи женский голос. Марта, ну наконец-то! Катя не сомневалась, что снаружи окажется их горе-экскурсовод, ну должно же и ей хоть немного повезти сегодня, правда? Она начала мстительно продумывать речь, которую вывалит на бедную девушку. И про библиотеку с загадочными книгами и шкафами, и про собственный сон, и про чудо-фонарь на лестнице, вот только Марты в галерее не оказалось. Кате навстречу вышли незнакомые парень с девушкой, оба в черном, похожие друг на друга и на первый взгляд немного не от мира сего.

– Катенька, душа моя, – бодро вскричал парень, раскрывая навстречу объятья.

Катя вздрогнула от неожиданности и замерла.

– На ловца, как говорится, и птичка в клетку.

Катя удивленно моргнула и отшатнулась. И откуда этот умник знает, как ее зовут, они же не знакомы!

– Позер, – закатила глаза его спутница. – Теперь понятно, почему бабы от тебя шарахаются, – и, видя счастливую улыбку парня, покачала головой.

– Мы не хотели тебя пугать. – Парень успокаивающе положил ладонь на плечо Кате. – Амулет. Череп в лучах солнца. Подарок. Отдай нам его.

Катя сама не поняла, как раскрыла ладонь. Почерневший череп в руке весело скалился, подмигивая серебряными искрами.

– Черт! – парень обеспокоенно заглянул Кате в лицо. – Рия!

– Да вижу, вижу, – девушка уже сосредоточено копалась в саквояже. – Аккуратно заведи у нее амулет и опусти сюда, – она протянула плоскую баночку с широким горлом.

Вязкая зеленая субстанция сыто булькнула, проглотив амулет. Рия тем временем намочила носовой платок желтоватой жидкостью и дала парню.

– Вытри ей руки.

Он аккуратно разжал Кате побелевшие пальцы и стер кровь с ее ладоней. Она не сопротивлялась. Парень действовал нежно и даже немного приятно, хотя и ужасно странно.

Напряженную тишину галереи нарушили шорох и легкое потрескивание, из громкоговорителей под потолком раздался голос Марты:

– Всех гостей замка приглашаем в столовую на завтрак.

От неожиданности все трое вздрогнули.

Глубокие порезы все еще слегка кровоточили. Рия заглянула Кате в глаза, и та не смогла отвести взгляд. Достав холщовый мешочек, Рия присыпала пораненные ладони щепоткой серого пепла, кровь забурилась, запенилась черными пузырями. Катя тихо вскрикнула и попыталась прижать ладони к груди, но сильные хваткие пальцы не дали этого сделать.

– Тихо, тихо. Потерпи немного, – парень легонько подул на раны.

Катя еще раз дернулась и замерла.

– Вот и славно, – проговорила Рия, с довольным видом наблюдая, как черная пена меняет цвет на красный. – Посмотри на меня.

Катя непонимающе и чуть испуганно подняла взгляд. В голове царил куча вопросов, но все они испарились, уплыли, как и ее сознание.

– Просыпаемся, просыпаемся, – кто-то легко, но настойчиво похлопал по щекам.

Что случилось? Она что, уснула?!

Катя ошарашено огляделась, ухватила за протянутую ладонь все того же странного парня и встала, слегка покачиваясь.

– Не стоит принимать странные подарки от незнакомых людей. Это тебе совет на будущее, – Рия стояла, прислонившись плечом к стене, и натирала белой тряпицей серебряный амулет. Череп сиял обновленным серебром в желтом свете массивной люстры. – Воздействие

амулета я сняла, а вот с руками, прости, помочь не могу. Спроси у Марты аптечку, наверняка есть. Голова не болит?

Катя отрицательно мотнула головой, разглядывая руки. Чистые порезы выглядели не так устрашающе. Голова действительно не болела, хотя и немного кружилась.

Кто эти двое? И с чего это они вдруг решили помочь?

– Не знаю как вы, а я зверски проголодался, – парень улыбнулся во весь рот. Одной рукой подхватил саквояж, другой – спутницу под локоток и, подмигнув Кате, развернулся к лестнице.

– Стойте! – Катя прокричала им вслед и уже хотела спуститься за ними, но упала на поехавшем под ногами ковре. Из глаз потекли слезы.

Да что с ней такое! То сознание теряет ни с того ни с сего, то реветь начинает, как глупая девчонка! Да еще этот амулет... Только тут Катя поняла, что Рия забрала кулон. Но зачем?! Ну ладно, легко пришло – легко ушло. Она мотнула головой и поднялась. Все ясно, забрали чужую игрушку и свалили по-тихому. Впрочем, за руки стоило бы им сказать спасибо, будем считать это честным обменом. Катя так и не поняла, что вообще случилось. Приключения на чердаке все больше и больше напоминали кошмар, которым, скорее всего, и являлись.

В столовой народу собралось видимо-невидимо. Катя заметила Сашу, мило беседовавшего с девушкой и парочкой, с которыми она встретилась в библиотеке, и, конечно, тех самых брата с сестрой, забившихся в самый дальний угол. Катя не стала ни к кому приближаться. Осторожно, оберегая едва затянувшиеся порезы, утащила со стола пару бутербродов, налила чай в забытую кем-то чашку и села на подоконник под витражами. Холодно, правда, ну да ничего. Все равно уже простыла, так какая теперь разница? На нее никто не обратил внимания, а Катя с радостью подумала, что не так уж и плохо быть невидимкой. Во всяком случае, здесь и сейчас ни с кем говорить не хотелось.

На пороге появилась Марта, и ее обступили практически все гости разом. Катя поморщилась и продолжила пить чай. Главную информацию она и так услышала: метель закончилась, дороги начали расчищать, а Юрген ждет гостей замка у своего «кузнечика». Все, экскурсия точно подошла к концу, и можно возвращаться домой!

Она с радостью взяла немного еды на обратную дорогу и протиснулась мимо Марты в сторону гардероба. В последний момент вспомнила, что так и не сказала гиду про фонарь на лестнице в бальном зале, но возвращаться не стала. Авось кто-нибудь другой найдет, в конце концов, персонал же есть в замке? Впрочем, похоже, он такой же невидимый, как и Катя.

Гардеробщица шустро забрала номерок и вернула вещи. Что-то протараторила о проклятии замка и что нужно убираться из него как можно скорее, и Катя была с ней абсолютно согласна. Замок и его тайны встали настолько поперек горла, что она почти выбежала во внутренний двор. Снег снаружи сверкал и искрился под ярким зимним солнцем, совсем как в день приезда.

Катя улыбнулась. Может, потому что осталась жива после всех злоключений, а может, просто обрадовалась ярким лучам солнца, по которым успела соскучиться. Она замурлыкала под нос песенку и достала телефон. Надо же, он так и не разрядился! Сети, конечно, не оказалось, ну и пусть. Лишь бы добраться до города, а дальше видно будет.

Юрген ждал у автобуса и с радостью согласился подбросить до Лестена вместе с остальными гостями, понемногу заполнявшими салон. Дал аптечку, Катя привела руки в порядок, поблагодарила водителя и села у окна. Из автобуса замок казался таким же сказочным, как и в день приезда. Будто и не было злосчастной библиотеки со странными рукописями и остальных чудес. Катя достала телефон и выругалась. В галерее не оказалось ни одной фотографии замка! А ведь она фотографировала чуть ли не каждый метр, пока шла экскурсия! Может, оно и лучшему. Вспоминать ее Кате лишний раз не хотелось. Жаль только потраченное время, нервы и деньги, которые непонятно, вернут ли. Формально в замке они прожили сутки из заявленных в объявлении двух.

Автобус отправился полупустым. Неужели кто-то решил задержаться на оставшийся день? Сумасшедшие, Катя ни за что бы не согласилась! Ей приключений и так за глаза хватило.

Всю дорогу до Лестена Катя не выпускала телефон из рук и при первом же проблеске интернета вышла на связь с большим миром. На работе и в вузе ее еще не хватились, выходные же, зато мама завалила пропущенными звонками и сообщениями. Катя отвечать ей пока не стала, ведь в первом же открытом письме увидела сообщение от авиакомпании! Из-за злосчастной метели, накрывшей не только Летцтефестунг, но и пол-Баварии, задержали огромную кучу рейсов, и кое-где даже появились свободные места. Все-таки хорошо, что немцы – страшно педантичный народ и готовы отказаться от места даже в случае небольшой задержки. Теперь Катя спокойно могла выбрать новую дату вылета и место в самолете. Осталось добраться до Мюнхена, созвониться с мамой и, сославшись на злосчастную метель, договориться, когда и в каком аэропорту ее встретить.

А там уже точно – привет, Москва! Наконец-то начнется нормальный отпуск!

МАРГО И ПРОФЕССОР

Инна Близницова

<https://vk.com/club224517738>

Марго

«Как удачно все сложилось – последний автобус, и пассажиров, кроме нее, никого. Повезло...»

– Вам повезло, что я туда еду – с продуктами! – обернувшись, крикнул водитель, – хотя это вопрос спорный.

Марго промолчала, упорно уставившись в окно, но он не отставал:

– Застрянете вы там все! Тучи-то какие – сейчас как повалит снег, а там дорога и так не ахти, – он снова обернулся, показал рукой на небо и улыбнулся ей в зеркало заднего вида.

Марго запахнула куртку, натянула на глаза шапку. Сон, что ли, изобразить, чтобы отстал? Но доставучего мужика ничем было не пронять:

– Замерзла, что ли? Вроде работает... – он пощелкал кнопкой обогрева сидений. – Теплее надо одеваться! А в замке-то вообще не курорт! И чего вас всех туда тянет...

И правда – чего? Месяц назад нашла журнал, а в нем, статью про замок – с историей, с легендами, как полагается – страшными, с портретами владельцев баронов фон Юнгиноген... Последний оплот... И сердце забилось как-то особенно. Тревожно стало... А ведь до этого все было хорошо, даже Петер начал стираться из памяти. Еще бы, «Волшебные таблетки! Врач плохого не посоветует! Все пройдет»... Тут не то что плохое забудешь, но и имя свое... Она улыбнулась и достала из кармана бейдж с фотографией, на кокетливой розовой ленте в цветочек: «МАРГАРИТА ГРОЙСМАН. Интерн». Удачная фотка, хоть и маленькая... Ну это-то и хорошо!

А ведь действительно жарко! Снова сняла шапку, распахнула куртку. Хорошо бы вообще снять ее, но блузка прозрачная и снова этот... уставится! Ни за что бы такую не надела, но собиралась в спешке – хватала, что под руку попало. Надо было спешить, пока была возможность – пока профессор Штольц не заподозрил. Представила, какая паника сейчас там, как он бежит по кабинету и нудит: «Какая безответственность! Куда вы смотрели? Как могли такое допустить? Я этого так не оставлю! Все, а особенно Гройсман, будут наказаны по всей строгости!» Старый козел! А сам ключи потерял – не признался...

Чем ближе к замку, тем более знакомыми казались эти места. Городок, где она поймала попутку, тоже был смутно знаком. И все эти повороты дороги, утесы – как будто бы видела их не один раз. Значит, бывала тут? Была же у нее какая-то жизнь до встречи с Петером?

– Замок как замок, а пейзажи у нас красивые, – не умолкал водитель, – вот, например, скала справа – легенда даже есть про это. Один из владельцев замка, барон Леонард, отправил туда пажа за эдельвейсом для своей невесты. Паж сорвался и убили, а невеста повесилась – она любовницей пажа была. А утес так и называется – Разбитое сердце. И ведьму еще одну то ли со скалы сбросили, то ли сожгли...

Он засмутился, потому что хотел, очевидно, сказать: «Тоже, как вы, рыжую».

Глупо. Глупо и банально. Все было совсем не так – переврал водитель легенду, написанную в буклете. «Паж был, и была невеста барона, и скала, но было не так», – хотела ответить Марго, но, к счастью, они приехали: громада замка выросла из-за поворота (она даже рассмотреть его толком не успела, только сердце екнуло), проскочили мост через ров и въехали во двор. Марго выскочила из автобуса, подхватив сумку и натягивая шапку на ходу. Водитель пытался

удержать ее и предложил забрать по окончании экскурсии, но она была мыслями уже не здесь. Обошла стороной собравшихся, милую девушку-экскурсовода, всучившую ей какой-то яркий листок, и остановилась у стены, сложенной из огромных серых глыб. Прикоснулась с трепетом к холодному камню и в ту же секунду на башне пробили часы. Двенадцать. Огромные дубовые двери распахнулись...

Профессор Семенов В. В.

Жители маленького городка Лестена, кто с удивлением, кто с тревогой, провожали взглядом загадочного мужчину, бодро размахивающего лыжными палками и шагающего спортивным шагом по главной улице. Они переглядывались и крутили пальцами у висков. Самые сердобольные пытались остановить странного незнакомца. Но, судя по его поведению, он был или глух, или туп – на все вопросы отвечал только «да» или «нет» и улыбался. Попытки, уговорить его зайти в кафе не увенчались успехом: он упорно указывал лыжной палкой направление – по дороге из города. При этом сверялся с каким-то странным прибором, похожим на старинный будильник с помесью дозиметра. Направленный в сторону, куда хотел уйти ненормальный, прибор издавал слабый писк.

Возле чудака собралась немаленькая уже толпа. Герр Шнайдерберген позвонил по сотовому в полицию комиссару Байдербеккеру, но тот отмахнулся – местная полиция, в составе двух инспекторов была занята поиском сбежавшей из психушки преступницы, которая должна была находиться где-то в этих краях. По данным из Мюнхена, преступница купила путевку на экскурсию в недавно открытый неподалеку замок Лецтефестунг, но жена комиссара услышав об этом, сказала: «Она что, идиотка? Только дура будет по музеям ходить! Она в наш торговый центр пойдет по магазинам!» И инспекторы с удовольствием выслеживали преступницу, устроив засаду в кафе, замаскировавшись за рядами кофейных стаканчиков и тарелок с сосисками.

Герр Шелленбергер пытался образумить странного путешественника, изображая смерть от холода: он потирал плечи, дрожал притворно, потом выкатил глаза и язык. Незнакомец, как ни странно, обрадовался, закивал головой и не к месту произнес: «Гут! Гут! Капут!»

Сердобольная фрау Марта, покачав головой, протянула ему свои розовые пуховые варежки, а библиотекаря Хельга подмигнула и подала бумажный стаканчик с глинтвейном. Незнакомец принял все, раскланялся, выпил глинтвейн, натянул рукавицы, поправил лямки рюкзака и, изобразив приветствие двумя руками над головой, схватил палки и зашагал по дороге. Жители Лестена провожали его взглядами, пока высокая сухощавая фигура с всклоченными белыми волосами не скрылась за пеленой начинающегося снегопада.

Загадочный незнакомец же не остановился и не вернулся, даже когда снег повалил хлопьями, а только прибавил шагу. Прибор, висящий у него на груди, попискивал все сильнее и сильнее: цель путешествия была совсем близко, останавливаться было нельзя.

Из-за поворота показалась серая громада замка. У моста, перекинутого через ров, стоял пустой автобус. Путешественник обошел его, позаглядывал в окна и отправился через мост, к замку. Часы на башне пробили двенадцать, и он как раз успел войти последним за разношерстной компанией. Приятная молодая блондинка смерила его вопрошающим взглядом и закрыла за ним двери.

Марго

– Гройсман! Фрау Гройсман!... Маргарита?

Ой, это же ее зовут экскурсовод Марта... По карте и на паспорт этой дурехи Гройсман заказана экскурсия...

– Фройляйн Гройсман! – бедняжка Марта даже заикается. – Не трогайте, пожалуйста, буфет!

Еще бы не заикалась – в путевке не указаны возраст и семейное положение, и как достучаться до нахальной «туристки»? Впрочем, Марго все равно, как ее называют, а вот Гройсман бы обиделась – она на любое обращение обижалась! Профессор Штольц один раз назвал ее милой фройляйн, так эта растяпа устроила скандал. Вот теперь он ей все припомнит! А началось-то с него – сидел он рядом с Марго на диванчике и ключики от своего кабинета (была у него привычка связку ключей в руках вертеть) мимо кармана положил...

Бедняжка Марта – намучается она с ними! Особенно после того, как зависли в замке до прихода помощи. Прав оказался нахальный водитель – завалило мост и дорогу снегом. Хорошо, что вообще не обвалился мост, когда переезжали. Марго не переживает – ей торопиться некуда, а некоторые даже без вещей остались: как оказалось, экскурсия-то на два часа всего плюс обед в стиле девятнадцатого века, и все! Вещи решено было назад в автобус отнести, который за мостом остался. У Марго в маленькой сумке джинсы, свитер, футболка да еще кое-что из средств повседневной гигиены, купленное в минимаркете на автостоянке – все с собой. Гардеробщица, принимая сумку, что-то проворчала, сморщив нос. Пусть морщится – лишь бы внутрь не заглядывала. Ну и ладно, если все пройдет как надо, сумка ей не понадобится. А как надо? Марго только вздохнула, отошла от буфета, оглянулась – что другие делают?

Кто-то слушает внимательно про всех бывших владельцев – гид Марта обстоятельно рассказывает про самых выдающихся. Вот основатель – седой мужчина – зачем-то бросил свой Тевтонский орден и отправился в эти места строить замок. Долго строили, со множеством трагических происшествий. Да и потом не больно счастливая жизнь у них была – мало кто до старости доживал. Марго остановилась перед портретом одного из потомков барона – погиб еще молодым – белокурым красавчиком с голубыми глазами: где-то зарезали его, при дворе короля.

Все медленно идут за Мартой, а Марго отстала – душно тут. Надо присесть. Нашла кресло в темном уголке – вроде бы обычное, не антикварное, присела. Мимо пробежал кто-то. Точно, еще один чудак: что-то у него пищит тихонько так – в больнице так приборы пищали. Чувство такое, будто специально их всех, таких «необыкновенных» собрали вместе! Народ действительно странный набрался в группу, это даже невооруженным глазом видно. У всех за душой тайна, а у некоторых и не одна. Есть вообще странные – и не в одежде дело – взгляд у них особый – ищущий... На лицо обычные все – даже очень красивые есть, но странные. Ну не странно ли – приезжать на экскурсию – в другую страну! – с цветком в горшке? С котом? С птицей... Кот тоже на кота похож мало. Одна красивая девушка, вообще чудная – и слов не подобрать, что такое под милым личиком таится, и будто все время слушает кого-то – голос какой-то в голове. Странное чувство – все понимаешь, а объяснить никак. Все как в тумане, а ведь Марго не дура – как оказывается, знает три языка и даже немного греческий, а откуда знает, непонятно. Книг бы побольше почитать или хотя бы тот же телевизор посмотреть.

А много ли посмотришь если у Петера по телевизору только скачки, а в больнице включали один раз вечером и то на два часа и только мультики. Всякие «Русалочки» там, «Золушки» и прочие слезливые сказки. Пациенты сидят, пялятся с открытыми ртами, сонные от таблеток. Гройсман как-то взяла и включила «Тома и Джерри». Всем понравилось – хохотали, в ладоши хлопали, а профессор Штольц чуть телевизор не разбил: «Вы понимаете, что вы наделали? Мы их пытаемся восстановить, а вы? Тут же кот с ножом!»

– Чей это кот? Заберите его с кресла барона Людвиг, пожалуйста! – просит Марта. Чтобы ее не раздражать, Марго старается касаться вещей незаметно и идет позади всей группы. Ремонт в замке сделан тщательный – все оштукатурено в три слоя, значит, ничего не найдешь, а экспонаты она трогает, чтобы от других сильно не отличаться: все глазают, норовят зайти за ограждение и пощупать. Интересно же! Зачем-то в такую даль приехали же? Вот Марго –

она, как только увидела фото замка в журнале и название прочитала, знала, что должна там быть. А зачем? Там видно будет.

Сразу перестала таблетки пить – хватит уже. А тут совпало все – ключики Штольца подобрала, а он и не хватился. На следующий день в столовой Гройсман халат супом залила и попросила Марго в прачечную отнести – Марго целый месяц старалась, втиралась к ней в доверие. А в халате у этой растяпы – кошелек с документами, банковские карты и пропуск! И листочек с паролями... В прачечную Марго не пошла, конечно. А пошла в кабинет Штольца и с невыключенного компьютера (спасибо той же Гройсман – научила, пыталась «социализировать» бедную девушку) заказала и оплатила экскурсию. Если охрана и наблюдала по камерам, то на Марго в голубом халате интерна внимания и не обратила. Городскую одежду нашла в раздевалке персонала и по пропуску той же Гройсман (даже неудобно – Гройсман хорошо к ней относилась и вроде бы даже поверила) прошла через охрану – благо они с ней немного похожи, да никто и не проверял особо – приложила карту, глядя, как это другие делали.

Чтобы не попасться, старалась следов не оставлять – платила только наличными (у Штольца в кабинете нашла), с людьми не общалась и под камеры не лезла. Уже только через три дня в кафе по телевизору увидела, что разыскивает полиция сбежавшую из психиатрической больницы преступницу, полгода назад жестоко убившую своего сожителя – известного адвоката. Портрет прилагался, но какой-то мутный и не цветной. Марго сразу в туалет ушла и постаралась внешность изменить – волосы рыжие распустила, губы накрасила поярче и шапочку на глаза надвинула... Вернулась, когда перестали показывать сообщение, и села в уголке. Рядом две девушки разговаривали – жалели Петера и ругали Марго...

Да что они понимают? Когда Марго пыталась рассказать в полиции что случилось, ее и слушать не стали, потому что была она никто, а Петер – адвокат... Он сначала, очень даже понравился, когда подобрал ее на дороге – недалеко от этих мест (теперь она их узнает). Оборванная, израненная сидела она у развилки. А еще, что страшнее всего – не помнила, кто она и как тут оказалась. Петер был ласков, привез к себе домой, в свою роскошную квартиру, вызвал врача, купил ей много красивых вещей. Это он дал ей имя Марго. Он говорил, что заявил в полицию, и, пока там ищут ее родственников, лучше не выходить на улицу, пока память не вернется. Да Марго и не вышла бы – некуда ей было идти. Когда приходила домработница, Петер велел сидеть в одной из дальних комнат. Еду заказывали в ресторане. Так прошел месяц. Марго привыкла, и ей даже казалось, что она полюбила человека, который столько для нее делает, но в один из вечеров случилось страшное.

Петер пришел поздно и очень пьяный. Он ругался, разбрасывал вещи, разбил зеркало. А потом избил Марго. На следующий день вернулся с цветами и кольцом и просил у нее прощения... Через неделю все повторилось, а потом еще. Марго стала бояться его, и уже набралась смелости просить помощи у домработницы, но случай все решил за нее. Петер вернулся под утро, весь в крови. В боку у него была рана, голова разбита и сломана рука. Он велел Марго вызвать врача и потерял сознание, падая, ударился головой об угол стола.

Несколько дней просидела Марго в квартире с мертвым телом. Полиция объявила убийцей ее. Оказалось, Петер ничего и куда о ней не заявил и никто не искал ее. От пережитого у Марго начались припадки, и после суда ее определили в психиатрическую клинику для преступников, где она и провела полгода.

Марго нужно было найти что-то, что вернет память, вот она и бродила с прочими экскурсантами и касалась всего подряд. Было страшно – вдруг ничего не случится, ведь она не знает, что ищет. Что делать потом? Куда идти? Назад в клинику? Снег за окнами валит хлопьями, прямо как в... Где? Где она раньше видела столько снега? На улице стемнело. Все начали жаловаться, что пропала связь. Марта вышла, объявила, что они здесь застряли – мост завален. Кто-то сказал, что дорога засыпана снегом и мост не пересечь – от ближайшего города они отрезаны. Экскурсанты, конечно, возмутились, а Марго даже обрадовалась – есть время

искать. Только вот что? От этой мысли тошнило. И еще этот бесконечный писк! А может, она и не выбиралась из клиники и все это приснилось ей – и замок, и люди, и снег?

От этой мысли стало плохо и в глазах потемнело, а во рту появился металлический привкус – как перед припадком. Скорее на воздух, в зале слишком дымно – из окон вырывается пламя, сажа валит хлопьями... отец! – пожар!...

В зал выбежала гардеробщица – лицо перепуганное, держит за обе ручки открытую сумку Марго, всем показывает и орет: «Mörder! Toter Körper!»

А Марго выскочила за двери, во двор, и, пробежав несколько шагов, упала на колени у горки невывезенного хлама, присыпанного снегом. Руки коснулись холодного камня... В беспомощности она смахнула с него снег, увидела статую ангела с отбитыми крыльями, и вспомнила все.

– Альбрехт, любимый... Я вернулась...

Когда часы на башне пробили полночь, на снегу остались только темные следы.

Профессор Семенов В. В.

Вошедший в замок последним, незнакомец оказался у гардероба в числе первых. Сдал свой оранжевый пуховик, а рюкзачок оставил при себе. Достал оттуда жуткие гогглы¹ с темными стеклами, напялил их на лоб и стал похож на какого-то мультяшного героя. И лохматые волосы у него оказались не белые и даже не седые – просто припорошенные снегом каштановые. Тут прибор у него снова запищал, и незнакомец, поводя им из стороны в сторону, отправился в зал, по пути представляясь всем, с кем сталкивался.

Судя по всему, он был полиглотом, но каким-то странным – с кем-то из экскурсантов здоровался на испанском, на андалузском диалекте, и потом добавил без малейшего акцента на чистейшем русском: «Семенов Василий Васильич. Профессор археологии». С кем-то заговорил на японском, низко кланяясь, с кем-то на английском.

С женщинами заговаривал на французском «Шарман! Бонжур!», при этом кланялся, хватал за руку и долго тряс. Женщины возмущенно озирались, а он бежал дальше, следуя за своим пищущим будильником. Периодически профессор исчезал, появлялся в самых неожиданных местах и снова исчезал. Тоже было и во время обеда: он неожиданно присаживался рядом с кем-нибудь, хватал кусочек со стола или стакан с напитком и снова пропадал.

После обеда Василий Васильевич сменил гогглы на обычные очки, приблизился к группе туристов, в основном русских, собравшихся в столовой. И, опасливо оглядываясь на курительную комнату, сказал:

– Друзья мои! Мы в опасности!

Кто-то даже присвистнул.

– Да-да, в опасности! Нас всех сюда заманили!

– Это как же? – спросила кто то. – И для чего?

– А бесплатные путевки, да еще и с обещанием проживания и кормежки? – он заговорщицки подмигнул. – Да еще и с разрешением привезти питомца!

Все затихли...

– И кому это надо?

Профессор снова оглянулся на курительную:

– А кто не вызывает никаких подозрений? Тому и надо! Гид наш – чистый ангел! Тихий омут!

– Это Марта-то? – все засмеялись.

¹ в переводе с английского «goggles» буквально означает защитные или темные очки

– Вы слышали, как она с водителем ругалась? Что она ему говорила? Я спросил, у тех, кто рядом стоял, мне перевели: ругала, за то, что байки страшные вам травил всю дорогу!

– Ну и что?

– А то! А если бы кто-то испугался и назад повернул?

– Ну и что?

– А то! – не сдавался профессор. – Им кворум нужен! Определенное количество человек!

– Для чего?! – спросили все и одновременно.

– А для того! Для ритуала чернокнижного! Тут люди целыми деревнями пропадали! – он потряс рекламным буклетом экскурсии.

– Вы, профессор, воля ваша, что-то нескладное придумали! Оно, может, и умно, но больно непонятно. Над вами потешаться будут.²

Все с удивлением повернулись на эту фразу, произнесенную приятным мужским голосом, и ожидали увидеть как минимум Басилашвили, а увидели Григория, который застенчиво мял свою шапочку в узловатых рабочих руках.

– Вы еще скажите, что они и снегопад наколдовали! – насмешливо спросил кто-то.

– Вполне возможно, – профессор закивал, – метафизика не отрицает магию...

– Профессор, – вдруг спросил Радомир, – а вы что, немецкого не знаете? Я тут вас послушал...

– Да, – вздохнул Василий Васильевич, – этот язык мне не дается. Пару слов помню, и все. Тетка моя заворожила из ревности...

– Ой, расскажите! – попросили женщины, почуяв романтическую историю.

– Да тетке моей жених изменил. И с кем бы вы думали? С мясом! А тетка моя, Анна Павловна, мяса не ела совсем, только рыбу – ее только и готовила, а жених, значит, немец был. Говорит: «Не приготовишь мне свиную рульку, свадьбе не бывать!» Тетка у меня упрямая, как осел, и не сдалась. И меня прокляла – не дается мне теперь немецкий! Так, это что же мы отвлекаемся? Надо план защиты придумать – полночь-то близится...

В эту минуту в зал ворвалась гардеробщица с черной сумкой в руках и с криками: «Mörder! Toter Körper!»

– Что она говорит? – спросил профессор у Радомира.

– Говорит, что в сумке труп. И что-то про убийцу.

Все отпрянули, а Василий Васильич, наоборот, первым сунул нос в сумку – принялся и пощупал что-то там, завернутое в белую шуршашую бумагу:

– Нет! Это свиная рулька! Я знаю! Тетка моя, Анна Павловна, ее удивительно готовила!

– Профессор, вы же говорили, что она не готовила свиную рульку? – воскликнули женщины, – А тут прям – удивительно готовила...

– Удивительно противно у нее получалось, – профессор хмыкнул, – потом специально готовила и посылала немцу этому на Новый год... Та еще ведьма была моя тетка...

– Спросите ее, – он кивнул на гардеробщицу, – чья это сумка.

Та ответила, перевели: «Одной рыжей ведьмы». Василий Васильич снова настроил свой прибор и пошел искать рыжую. Дошел до входа в замок. С трудом распахнул встроенную маленькую дверку для привратника, выглянул – снег стоял стеной. Замело все вокруг – ничего не видать. С карниза упал комок снега, как будто птица какая-то потревожила, и угодил ему за шиворот. Профессор поежился, похлопал себя по спине и закрыл дверку.

В эту минуту часы на башне пробили полночь.

Марго

² Фраза сказанная Воландом Берлиозу, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Как обидно умирать, когда все стало налаживаться... Еще и так глупо умирать – в двух шагах от толпы народа. Встань и иди, открой двери – в холле пылает камин, звучат веселые голоса. А руки как будто примерзли к ледяному камню и тело сковывает холодом – сил нет подняться.

Казалось, что может быть хуже Петера, потери памяти и психушки? Оказалось, страшнее, когда память возвращается. Всему виной жадность – расплачивайся теперь, Марго!

Правда ведь, что жизнь проносится перед глазами, когда умирают? Кто это сказал? Наверное, правда, но у всех по-разному – ей вот память подбросила воспоминания с момента теткиного звонка: знала бы заранее, что будет – не взяла трубку. Думала, звонит поздравить с предстоящей свадьбой, а нет – приезжай, племянница, помираю! Приедешь – озолочу. Зачем, зачем согласилась! Не нужны ей были теткнины деньги – Бэзил говорил, что любит и женится, даже если она будет нищей и одета в мешок из-под картошки... Ах, Бэзил, где ты сейчас?

Бэзил отпускать не хотел: провожая, умолял звонить каждый день по два раза, рассказывать. Вернон, соседский мальчишка, странный, немного со сдвигом – то ли дурачок, то ли гений – плакал и руку отпускать не хотел, да и сама постоянно ревела, когда села в самолет, и потом, до Лондона, периодически начинала плакать. В Москве погода была солнечная, а Лондон встретил дождем. Больше не встретил никто – тетка решила, что она и сама доберется, раз ей надо.

Бэзил после теткиного звонка все Пушкина цитировал – про дядю честных правил, и Марго надеялась, что обернется быстро. Нет, смерти тетке она не желала, но и сидеть в другой стране накануне свадьбы желания не было – обратный билет был куплен. Не помрет тетка, значит, домой – ну его это наследство.

Многочисленная родня, собравшаяся в особняке, встретила настороженно, почти с неприязнью. На все расспросы отвечали однозначно, пожимали плечами. К тетке не пустили, и Марго думала, что та совсем плоха – ей ведь уже лет сто, не меньше. Сколько она ее помнила – та всегда сидела в коляске, в темных очках, в строгом костюме, колени прикрыты пледом.

Три дня тетя не показывалась, а потом слуга передал Марго требование явиться в галерею.

В галерее Марго всегда робела – казалось, все эти великосветские предки с портретов смотрят с упреком, особенно теперь, когда бросила всех и уехала в далекую Россию.

– Маргарет, подойди! – а голос у тетки не изменился. Был все такой же, как и двадцать лет назад. И внешне изменений не было – с чего вдруг решила, что будет помирать? – Садись рядом!

Марго присела на банкетку, как раз под огромным портретом прадеда.

– Когда ты летишь обратно? – спросила тетка.

– Через два дня. Билет уже куплен...

– Сначала ты должна выполнить мое поручение. Помнишь, я обещала тебе богатое приданое? Теперь ты его получишь.

– Что нужно сделать, тетя?

– Ты поедешь в Германию... В замок Лецтефестунг... Срочно! Помни: это моя последняя воля, а я умираю. Вот билеты и карта – собирайся срочно! И никому ни слова! И твоему жениху тем более! Я сама все ему объясню.

И не успела Марго опомниться, как уже сидела в самолете на Мюнхен, чтобы потом добраться до какого-то старого замка, где-то в глуши, и выкупить у владельца статую плачущего ангела. Бред полный. Но тетка повторила условия много раз и заставила подписать бумаги о неразглашении! Сначала Марго таки хотела позвонить Бэзилу и все рассказать, но оказалось, что и телефона в сумке не было! Потеряла? Или вытащили? После перелета, поспав немного, успокоилась и смирилась – ну задержится на денек-другой, зато вернется богатой невестой!

То-то радости будет и польза – Бэзил сможет, наконец-то организовать для своих студентов поездку на раскопки в Грецию.

Все шло хорошо до самого Мюнхена. Замок оказался на реставрации, никаких экскурсий туда не проводилось, и добраться можно было только на попутках, что Марго и сделала, хоть и с большим трудом – места были не очень оживленные. Последние из подвозивших, милые старичок со старушкой, высадили ее у развилки. Вид на замок вдаль был замечательный – просто картинка! А потом...

А потом из-за поворота выскочил автомобиль – серый огромный джип и... и она полетела в кювет... тормоза завизжали, машина остановилась где-то недалеко, хлопнули дверцы, но к ней никто так и не подошел. Сквозь кровь, заливающую глаза, она увидела сверкающую на солнце зеленую искру – свой кулон, повисший на кусте шиповника у самой дороги. Последнее, что разглядела, теряя сознание, – рабочие ботинки, забрызганные краской, и руку, потянувшуюся за кулоном...

И вот теперь она снова у этого проклятого замка! И снова умирает. Но странно, почему вдруг вместо любимого лица жениха совсем другой перед глазами? И губы шепчут чужое имя: «Альбрехт, любимый... Я вернулась...»

Профессор Семенов В. В.

Только он закрыл двери и повернул в холл, как прибор снова запищал. Но так странно – будто тихо стонал. Раньше такого не было. До полуночи сигнал был однообразный, хоть и постоянный – то тише, то сильнее. Здесь, в замке, прибор реагировал на все – сломался, что ли? Ему даже сделали замечание несколько раз – пришлось выключить, но и так было ясно – искать нужно здесь, а может, замок только остановка на долгой дороге...

А в замке творилось что-то непонятное – электричество мигало, стало как-то сыро, несмотря на то, что дрова в каминах горели во всю, и потянуло из углов плесенью и тревогой. Люди то впадали в апатию – дремали, сидели у огня, то начинали препираться и паниковать. Многие разбрелись по замку то ли в поисках укромного уголка, то ли спасения. Самые деятельные порывались выйти к трактору, стоявшему во дворе, и уже на нем пересечь мост, а там добраться до города и вызвать помощь. Решение было правильное, но лучше отложить его до утра.

Он побродил по залу, возвращаясь в те места, где прибор фонил сильнее всего, послушал, что говорят, принес кому-то из женщин воды. Кто-то спросил, который час, он посмотрел – а часы то стоят! Полночь пробило примерно часа два назад – завел – пусть с погрешностью, потом переставит, лишь бы шли... Время вообще ведет себя странно – и суток не прошло, как вошли в замок, а будто неделю тут, и есть охота, как будто дня три не ели. Из-за остановки часов накатил такая тревога, что сердце зануло, но скорее всего, сказывалась усталость, еще бы – сутки на ногах, без сна и отдыха, как сошел с поезда в Лестене. Там-то прибор и запищал впервые после того, как вышел из дому. На вокзале помыкался – кое-как объяснился с прохожими, через переводчик сотового, рассказали, что там впереди. Отговаривали – погода плохая, далеко, в горах темнеет рано, все равно пошел...

А как не идти, когда сердце не на месте? Все из рук валится, а от хваленной английской полиции никакого толку нет. А тут Вернон огорошил – принес какую-то странную штуку – то ли дедовский будильник, то ли мультиметр доисторический и сказал: «Кулон. Чип отслеживания – приемник. Радиус сигнала 50 километров». И ни слова больше. Чертов гений! Еле-еле дошло, что это он про свой подарок на Новый год...

Созвонился с инспектором в Лондоне, рассказал про чип, тот нехотя проворчал – «Привозите попробуем, но обещать ничего не можем. Понимаю, вы хватаетесь за соломинку...» Тетя Роза всплакнула, провожая, велела не беспокоиться – все будет в порядке. На прощанье

Вернон выдал еще и странные очки – старомодные гогглы. Зачем? Улыбнулся и не ответил. А они и пригодились – защитили от снега.

Замок был странный – вроде как долго заброшен был, а после реставрации оказался наполнен фамильным серебром и фарфором с вензелями. Книги опять же – обширная библиотека: неужели все так здесь и лежало, пока хозяев не было? Портреты фамильные – девушка-гид, конечно, рассказывала подробно, кто есть кто в каких галереях собирали, а что и по описаниям хроник восстанавливали, но он слушал невнимательно – от того, что прибор издавал непрерывный сигнал, он сам впал в панику: бегал из угла в угол, от человека к человеку, нес всякую ерунду, чтобы успокоиться, путал языки... Не нашел. Надо было сразу после разговора с гардеробщицей уходить и идти дальше, да снегопад начался нешуточный, и сигнал идет из каждого угла...

Нужно еще раз обыскать замок! Все доступные и по возможности недоступные места. И отдохнуть до утра – утро вечера мудренее.

И он заглянул в комнаты, которые были открыты, курительную, каминный зал, пустую гардеробную, поднялся на второй этаж, где царил полумрак, позаглядывал во все углы, особенно туда, где прибор стонал наиболее сильно. На людей, находящихся там, не обращал внимания – пусть считают его беспардонным чудачком... Потом долго бродил в библиотеке, путаясь между стеллажами и разглядывая книги.

В холле разговаривали о том, как есть охота и хватит ли им еды, если метель продлится. В кабинете на диване кто-то спал, как и на креслах в библиотеке. Надо спуститься к обслуге и потребовать ключи от запертых комнат – там точно что-то есть, хоть и не отвечает, когда зовешь.

Его и самого стало клонить в сон – надо отдохнуть, только вот еще поднимется на самую крайнюю башню по винтовой лестнице. Тут тоже пусто. А кому тут быть – холодно, неудобно, что-то шуршит под потолком. Сам себе улыбнулся – «летучие мыши-вампиры».

Узкое окошко-бойница, как ни странно, было оформлено современным стеклопакетом и открывалось внутрь. Открыл и услышал странный многоголосый вой. Волки? В такую погоду? Или просто сирена: может, их уже ищут – и на той стороне моста спасатели? Даже показалось, что по мосту движется слабый огонек. Но, наверное, показалось.

Впрочем, от такой усталости скоро начнут и феи с единорогами мерещиться. Пора вниз, искать место, где прилечь, забрать пуховик из гардероба... Но додумать профессор не успел – удар по голове лишил его сознания. Он пошатнулся и упал. Из-под головы медленно растекалась кровь. Снежинки роем ворвались в окно...

Профессор Семенов В. В.

Профессор пришел в себя от холода. Тело сотрясала дрожь. Следом пришла головная боль. Он осмотрелся – вокруг стены – серый камень... Да он же в башне! Только почему лежит на полу? Спал? Попытка подняться не удалась – неужели так ослаб от холода и неудобной позы? Руки-ноги двигаются, а плечи и голова – нет. Сразу вспомнилась картинка из книги – лилипуты привязали волосы Гулливера к колышкам. Какой бред, откуда тут лилипуты? Но все равно потрогал голову и сразу все вспомнил: как осматривал замок, поднялся в башню, как смотрел в окно и как почувствовал удар. Сколько же он пролежал тут? Тогда светало, сейчас – совсем светло в окошке.

Надо вставать, и так простуда обеспечена. Снова потрогал голову, волосы – рука коснулась чего-то холодного и липкого. Кровь? Волосы и пиджак вмерзли в лужу крови!

С трудом освободился, присел на ступеньках – ноги не держали, в ушах звенело, но мозг работал ясно: его пытались убить! Который все-таки час? Но часов не было. Не было дурацких гогглов и – о ужас! – прибора... Профессор осмотрелся – на каменном полу, в полумраке,

в замерзшей луже крови, четко виднелся рубчатый след протектора – кто-то наступил ботинком среднего размера. Мужчина или женщина? Сейчас многие носят обувь унисекс... Или это армейские ботинки?

С трудом встал и, держась за стену, стал спускаться по лестнице. И вдруг... Кто это? На лестнице стояла женщина, и он сразу узнал ее:

– Марго...

Это была она. Он замер от неожиданности, потом бросился к ней, обнял, но руки прошли насквозь.

Что это? Бред? Голограмма? Призрак? Такого не бывает. Можно сколько угодно шутить на эту тему, но такого не бывает!

– Марго... – прошептал он, – как долго я тебя искал...

Он пытался обнять ее, взять за руки, но бесполезно. Она улыбнулась, призрачной рукой своей погладила его по волосам, глаза заискрились слезами – увидела, что голова в крови.

– Это неважно, – ответил он, – пройдет! Главное, что ты здесь и все в порядке!

Она покачала головой в ответ, лицо исказила страдальческая гримаса, и только тут он разглядел, как Марго изранена: ссадины на щеке и на лбу, и волосы в крови. Платье висит ключьями...

– Что с тобой случилось? Кто это сделал?

Марго не ответила. Профессор с ужасом увидел, что и без того прозрачный призрак начал таять. Он бросился к ней, не удержался, упал и покатился по лестнице. Падая, наткнулся на человека, сидящего на ступеньках, и дальше полетел уже с ним...

...Пришел в себя. Вроде бы все цело, только голова кружится – хорошо приложился! Надо аккуратнее на этих темных лестницах, а то кошмаром не отделаешься. Но как бы он был рад его повторению – опять увидеть Марго, прикоснуться... Что-то такое она говорила? И вдруг вспомнил весь сон – и след в крови.

На лестнице лежал человек, неузнаваемый в полумраке, головой вперед, ногами к нему. Свет из окошка-бойницы падал на ноги. Ботинки! Нет, размер меньше, кто это? Из-за поворота вылетела птица и бросилась на Семенова – визжала как бензопила, била крыльями. Все ясно, это мальчишка, мичман, его птица... Неужели убили? Вроде бы дышит. Да дышит, просто без сознания. Надо идти за помощью – мало ли что он повредил, лучше не двигать. Вот горе-то...

Профессор осторожно обошел Патрика и поспешил вниз.

Лестница казалась бесконечной – неужели он так ослаб? Где все, когда так нужна помощь? Неужели мост расчищен и все ушли? А его и мичмана бросили? Надо позвать! Но странно: вроде бы кричал – а звука не было. Онемел или оглох? Или все-таки что-то с головой? Возможно, сотрясение. Где все? Наверное, внизу, в столовой или каминном зале – там теплее всего. Сейчас – через портретную галерею, на лестницу, и можно передохнуть. Но что это? Кто это сделал? Все портреты были сняты со стен, и стояли на полу рамы с пустыми задниками на холстах. Все изображенные там бароны ушли? Бред... скорее вниз...

На лестнице сидел еще один мальчишка из экскурсантов – тот, что таскался с плюшевой игрушкой. Даже в полумраке видно, что одет не как раньше, а как те, что на картинах. То есть как те, что ушли... Что там у него, что он рассматривает? Профессор подкрался к нему, заглянул через плечо:

– Откуда... ах ты ж... Мелкий...

В руках у парня был как раз тот кулон, зеленый кристалл на серебряной цепочке – подарок Вернона Марго на прошлый Новый год. Тот самый кулон, в который, как оказалось, был встроены датчик отслеживания...

– Дай сюда! – он вырвал кулон из рук пацана максимально грубо, а потом и толкнул так, что тот отлетел к стенке. Откуда взялась эта жестокость... Вот бы тетя Роза порадовалась! А то все ругала его: «Что ты этакий рохля! Бери пример со своего любимца, подерись с кем-

нибудь!» И убедить ее, что археолог Семенов и археолог Индиана Джонс – не одно и то же, не было никакой возможности...

Вот и столовая! Все, и правда, здесь, за столом. Или это те, кто сошли с портретов? Все в старинных одеждах – на мужчинах латы, камзолы, кружевные воротники. Женщины в роскошных платьях в пол сверкают бриллиантами и жемчугами. Это что, костюмированная вечеринка? Это было в программе экскурсии?

А что это на столе? Кто это? Он подошел поближе и... Это была Марго. Тоже в старинном платье, волосы рыжие уложены в затейливую прическу... Бледна, глаза закрыты. Спит? Мертва! Почему на столе? Они хотят ее съесть! Сидевшие за столом услышали его мысли и захохотали, загрохотали вилками-ножами.

Во главе стола поднялась та, что была их гидом. Куда делось ее прежнее скромное черное платье и две косы: теперь на ней платье цвета крови с высоким белым воротом, золотые локоны почти до пола. На голове корона с тринадцатью зубцами... Она встала, и все повернулись к ней. Молча подняла руку и указала на профессора. «Убить его!» – радостно подхватили все...

Профессор пришел в себя от холода. Тело сотрясала дрожь. Следом пришла головная боль. Он осмотрелся, вокруг стены – серый камень... Да он же в башне! Только почему лежит на полу? Спал? Попытка подняться не удалась – неужели так ослаб от холода и неудобной позы? Руки-ноги двигаются, а плечи и голова – нет... Сразу вспомнилась картинка из книги – лилипуты привязали волосы Гулливера к кольшкам. Какой бред, откуда тут лилипуты? Но все равно потрогал голову и сразу все вспомнил: как осматривал замок, поднялся в башню, как смотрел в окно и как почувствовал удар. Сколько же он пролежал тут? Тогда светало, сейчас – совсем светло в окошке.

Надо вставать, и так простуда обеспечена. Снова потрогал голову, волосы – рука нащупала что-то холодное, влажное и липкое. Кровь? Волосы и пиджак вмерзли в лужу крови!

С трудом освободился, присел на ступеньках – ноги не держали, в ушах звенело... Кто это там стоит на лестнице? С рыжими волосами...

Марго

Догорают свечи, дымят, душно Маргарите. Сердце щемит – а вдруг как правда – придет Альбрехт? Зачем сказала, что родители на праздник уйдут, а она останется дома одна? Если придет, пускать или нет, а не придет – обижаться или нет? До свадьбы еще месяц, не согрешить бы... Альбрехт парень порядочный, но кто знает – матушка всякие ужасы рассказывала про мужчин и господней карой пугает... Но Альбрехт не такой, он хороший и мастер замечательный – сейчас вот делает каменных ангелов для короля Людвига Баварского – тот строит себе новый дворец недалеко от города.

Один из ангелов Маргарите особенно нравится – очень он на нее похож. И Альбрехт сказал, что с нее и делал. И король именно этого ангела похвалил: сказал, грешно даже как-то – уж больно скульптура на женщину похожа. А Альбрехт Маргарите признался, что внутрь ангела этого хитрым способом засунул кусочек стекла от бутылки, которую она разбила и порезалась – это, мол, теперь сердце у него, а она и есть этот ангел. И все у этого ангела, как у нее: волосы, лицо, шея и грудь. Как вот после таких мыслей уснуть? Все внутри сладко сжимается...

И вообще, странно она себя чувствует в последние дни – днем вроде бы все как всегда, а ночью странные сны одолевают – снятся ей зеркала. Огромные, каких, наверное, и во дворцах не бывает. Смотрит она туда, но там не она отражается, а совсем другая девушка, только волосы такие же рыжие...

Мысли ее прервал дверной колокольчик – звенел не переставая. Пришел! «Надо впустить, а то соседи увидят! Просто посидим в гостиной, поговорим о свадьбе и даже шнапса не налью, как делает обычно матушка», – подумала Маргарита и, накинув шаль, открыла дверь.

Но на пороге стоял не Альбрехт, а тот голубоглазый красавец с белоснежными волосами из свиты короля – она видела его, когда король торжественно въезжал в город. И не успела она ничего сказать, как незнакомец перешагнул порог и повалил ее на пол...

Очнулась Маргарита от кашля – горели занавеси на окне и гостиная была в дыму, а на полу сцепились два человека – она сразу узнала Альбрехта и того... Насильник вырвался и выбежал из дома, Альбрехт бросился за ним и Маргарита следом. Слезы душили ее, все тело болело, было страшно – вдруг кто-то узнает, что случилось... И тут она споткнулась о тело, лежащее на земле. Альбрехт! Вся грудь в крови... «Помни обо мне, мой ангел», – прошептал и умер... Когда она вернулась, дом горел. Соседи сказали, что в доме погибли и отец с матерью – думали, их дочь там, бросились спасать...

Марго проснулась с криком – какой страшный сон! А говорят, замерзнуть легко и даже приятно – будто засыпаешь...

Она села – в комнате тепло и темно. Очевидно, ее хватились и нашли, принесли в замок. Только хотела встать, как дверь распахнулась. В проеме – женщина со свечой в руке. «Свет, что ли, отключили?» – подумала Марго, а женщина крикнула:

– Вставай, ленивая корова! Господин барон забирает тебя, – и ушла. Марго вскочила, бросилась следом, вышла в коридор – где она? Где все? Что за барон? И что за странный наряд был на женщине – старинное что-то? И на ней самой... Рядом на стене висело зеркало, она заглянула в него и не поверила глазам – там вместо нее отражалась тетка Элизабет!

– Ты все видела, Маргарет, – сказала тетка, – многие поколения мы хранили в своих сердцах пламя мести. Ты будешь нашим карающим мечом!

– Тетя, вы сошли с ума! – Марго не могла поверить, что видит тетку в зеркале – это точно сон! Так бывает, когда знаешь, что сон, а проснуться не можешь.

– Ты все видела, этот человек – барон Карл фон Юнгинген. Он обесчестил нашу пра-родительницу, убил ее жениха, в огне пожара погибли родители. Но она была слаба духом и не смогла отомстить.

– Мы что, потомки этих Юнгингенов? – испугалась Марго.

– Нет! Маргарита после долгих скитаний вышла замуж и родила детей от достойного мужчины. Все произошедшее с ней она рассказала своему мужу и детям... Из поколения в поколение передавался этот рассказ, и наконец был найден способ вернуться в прошлое и отомстить. Ты последняя из прямых потомков Маргариты. Убей Юнгингенов – и круг замкнется!

Рядом с зеркалом распахнулась дверь и – о ужас – из неё вышел именно тот блондин, которого она видела во сне.

– Странно, – сказал он, – мне казалось, что ты выглядишь по-другому... Пока ты спала, у тебя было другое лицо...

Сон! Сон! Это сон! Потому что только во сне можно так быстро оказаться в другом месте: не успела Марго даже пикнуть «помогите», как они очутились в каком-то маленьком доме, в полутемной комнате. Она принялась кричать и звать на помощь, но барон сказал:

– Тебя никто не слышит, и ты не выйдешь отсюда! – и добавил он насмешливо, – я сейчас вернусь. Устраивайся поудобнее.

Марго заметалась в поисках выхода, но дверь не открывалась, а на единственном окне была решетка. Спасенья нет? Что за странный сон? У окна висело зеркало, и она бросилась к нему – может... Тетка Элизабет была там.

– Тетя! Выпусти меня, мне страшно! – попросила Марго.

– Ты должна убить барона, – в голосе тетки не было ни жалости, ни сочувствия, – тогда я заберу тебя. Торопись – у меня осталось мало времени, я умираю. Возьми это...

В руке у нее был кривой нож. Машинально, Марго протянула руку – между ней и теткой не оказалось никакой грани...

– С кем ты говоришь? – за спиной стоял барон. Он повернул ее и притянул к себе для поцелуя, а она инстинктивно выставила вперед руки... Нож вошел ему в живот по рукоять.

Тетка хрипло засмеялась в зеркале:

– Вот и таинственная смерть в запертой изнутри комнате! Ты справилась. Сейчас мы отправимся в замок и разберемся с сестрой Карла и его младшим братом Гансом. Дай руку, Маргарет! – Марго вцепилась в сухую теткину кисть, шагнула в темноту и потеряла сознание.

– Тетя! Зачем все это? Они давно уже мертвы.

– Их нельзя жалеть, это страшные люди.

– Но я не знаю их. И Маргарита не знала – ни сестры Карла, ни его младшего брата.

– Это Юнгингены. Ганс вырастет и станет таким же, как и Карл! Ему еще десять, но он...

– Гансу всего десять лет? Тетя! Я не пойду! Ты сошла с ума!

– Значит, останешься здесь, в пустоте. Но лучше поторопись – мне осталось совсем немного, а только я могу вернуть тебя к твоему Бэзилу.

– Хорошо...

Марго сделала шаг из темноты с одной мыслью – выйти и бежать от замка. Все равно куда. Пусть никогда не встретит Бэзила, но и убивать ребенка не будет. В ту же секунду она почувствовала тепло и свет на лице – солнце! И прежде чем открыла глаза, за запястье ее ухватила цепкая мужская рука:

– Ну, милочка, ты подзадержалась... Уж не знаю, скажет ли тебе спасибо госпожа баронесса за твои цветочки, к месту ли они теперь!

Перед Марго стоял лакей в парике с буклями и косицей, в камзоле, панталонах и туфлях с пряжками. Находились они с обратной стороны замка, перед входом в кухню.

– Сама знаешь, какова в гневе госпожа баронесса!

– Отпустите меня, пожалуйста, – попросила Марго, но лакей втянул ее в кухню, и, как она ни упиралась, потащил на лестницу – вниз, очевидно, в подвал. Марго пришлось бежать за ним, чтобы не упасть.

Одета она была в длинную юбку, белую рубаху с вышивкой, волосы заплетены в две косы, в руках – огромная корзина с цветами шиповника.

– Госпожа баронесса вне себя от ярости, – продолжал лакей, – братишка, барон Ганс, залил ей краской траурное платье и спрятался, избегнув наказания, вот она и злится.

– Прошу вас, отдайте ей цветы сами! – еле сдерживаясь, чтобы не заплакать, просила Марго, но лакей был безжалостен. Винтовая лестница сделала не один оборот, пока они дошли до нужного места. Коридоры здесь были освещены факелами, но все равно тонули во тьме.

Лакей подтащил Марго к решетке, закрывающей высокий проем в стене, и сказал:

– Госпожа баронесса! Девушка принесла цветы для вашего брата!

Затем он втолкнул Марго в зал, запер за нею решетку и ушел торопливо.

Сюда, в подвалы, их на экскурсию не водили, но она поняла, что это склеп. В колышущемся свете факелов были видны ряды каменных саркофагов. Стены украшали гобелены с гербами рода.

Баронесса не заставила себя ждать – медленным шагом вышла на свет. «Я даже не помню, как ее зовут, – подумала Марго, – ничего не помню о ней. Она такая красивая, может, не такая и злая и отпустит меня?»

– Как давно я тебя ждала! – сказала баронесса и слова ее эхом отразились от стен. – Ты представить себе не можешь, что я отдала, чтобы найти тебя!

– Я не знаю вас! – ответила Марго, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я принесла цветы...

– Цветы? Для моего брата? Украсить его саркофаг? – баронесса засмеялась, запрокинув голову. – Как благородно! Сначала убила, теперь хочешь украсить могилу! О, если бы ты знала, что натворила...

Марго попятилась, будто хотела просочиться сквозь решетку.

– Вчера привезли его тело... И я уже сама украсила! – она сдернула покрывало, и Марго увидела ту самую статую ангела... Баронесса схватила корзину, оставленную Марго в центре зала, и высыпала цветы на саркофаг, а корзину швырнула ей под ноги.

– Твоя тетка не поможет тебе теперь! – прошипела баронесса. – Ты надеялась получить от нее нож? Да? Вот так?

Она подошла к стене и сорвала один из гобеленов, за ним было зеркало, замахнулась факелом и разбила его. Потом – еще одно и еще. Но Марго не смотрела на нее, взгляд ее приковала пустая корзина, лежащая у ног.

– Ты пришла убить и меня? Но это твои косточки будут покоиться здесь! Больше никому ты и твоя тетка не помещаете! – еще одно зеркало разлетелось на осколки.

Марго наклонилась к корзине – там на дне был нож (упирался в прутья, потому и не выпал) – тот же, которым она убила Карла. Она достала и спрятала его за спину. Баронесса подошла, схватила Марго за руку и подтащила к последнему зеркалу:

– Ну же? Попрощайся с теткой...

Но в зеркале отразились только они обе – тетки Элизабет не было. Баронесса засмеялась:

– Умерла! Она умерла, и никто теперь не спасет тебя! Умри же и ты, рыжая ведьма! – она замахнулась факелом... Марго, защищаясь, выставила вперед руку с ножом...

– Тетя, баронессы больше нет... – она надеялась, что теперь тетка появится, но в зеркале отразилась только она сама. Выхода не было. К вечеру вернутся лакеи и найдут ее у трупы своей хозяйки. Марго подошла к саркофагу, на крышке которого стоял ангел, вытесанный Альбрехтом, – прекрасная Маргарита. Вспомнила, что теперь он лежит во дворе замка, в мусоре, без крыльев. Бедный ангел... Она погладила крыло и... проснулась.

Профессор Семенов В. В.

– Марго? – он бросился к призраку и едва не закричал от обиды – это всего лишь в золотом луче, падающем из окна, плясала пыль... Неужели все сон? Профессор огляделся – нет следа ботинка в лужице крови, но лежит немаленькая такая булыга – скорее всего, вылетела из каменной кладки из-под крыши. И прибор никто не взял, и рюкзак стоит в углу, и гогглы на месте – только с головы слетели на шею. Гогглы, похоже, его и спасли – каменюка по ним попала. Стекла вылетели, оправы погнулись, но сами целы! Спасибо, Вернон! Василий Васильич снова нацепил их на голову – раз такие счастливые, пусть будут. Потом снял пиджак, футболку, как мог вытер голову (вроде кровь больше не идет), достал из рюкзака свитер, надел. Зачерпнул ладонью снег, горкой лежащий на подоконнике, умылся. И пошагал по лестнице в надежде на встречу – вдруг сон сбудется.

Уж больно этот сон был яркий, с множеством подробностей. Никогда с ним такого еще не бывало. Может, до сих пор спит? Начал читать из Еврипида, для проверки, вслух – во сне никогда не удавалось:

σκαιοῖσι μὲν γὰρ καινὰ προσφέρων σοφὰ
δόξεις ἀχρεῖος κοῦ σοφὸς πεφυκέναι
τῶν δ' αὖ δοκούντων εἰδέναι τι ποικίλον
κρείσσων νομισθεῖς ἐν πόλει λυπρὸς φανῆ.
ἐγὼ δὲ καὶ τὴ τῆσδε κοινωνῶ τύχης³

Получается. Память на месте. Надо идти искать всех, кто во сне встретился. Ну вот, на ловца и зверь бежит!

³ «Если ты донесешь новую мудрость до глупцов, тебя будут считать бесполезным, а не мудрым; и если город сочтет тебя более великим, чем тех, кто имеет репутацию умного, тебя сочтут надоедливым. Я сам участвую в этом деле». Еврипид «Медея»

У лестницы на первый этаж встретил мальчишку – того, у которого кулон во сне отнял, поймал за рукав, не дал вырваться:

– Пойдите! Вы Саша?

– Простокваша! – рявкнул парень, пытаясь освободить руку, – я вас не знаю, вы все мне надоели! Пропустите меня!

Казалось, он сейчас заплачет или набросится с кулаками.

– У вас мой кулон.

Вопрос как вопрос, а мальчишка заржал как конь:

– Вы серьезно? Еще один кулонофил? Ладно, мужчина, давайте поторгуюсь. – Он кокетливо наклонил голову, в глазах заискрились озорные огоньки. – Будете меня соблазнять или по стенке размазывать? Имейте в виду, бесплатно кулоны я больше не раздаю.

Он дурачок или притворяется? Василий Васильич вздохнул:

– Это кулон моей невесты, она пропала полгода назад. В него встроены датчик слежения, сигнал которого я слышу по всему замку, – профессор утер лоб рукой. – Этот кулон не имеет для вас никакой ценности – просто бижутерия. Если вы не отдадите добровольно, то я шархну вас током и заберу то, что мне нужно, уже с трупа!

Пацан только усмехнулся. Профессор подступил вплотную и приставил ему к животу прибор Вернона. Конечно, это не шокер, но он-то этого не знает.

Саша, прищурившись, смерил профессора насмешливым взглядом:

– Не катит, – голос звучал на удивление спокойно и твердо. – Мы в цивилизованной стране, вас посадят за убийство. Кулон у меня есть, последний остался! Но я подобрал его в углу, в холле, когда экскурсия только началась. Какие у вас доказательства, что он ваш?

Василий Васильич устало вздохнул и нажал на приборе красную кнопку. Раздался треск, такой, что у обоих сразу заложило уши. Профессор даже испугался: а вдруг и правда шокер? Мало ли что там Вернон наместерил...

Саша тоненько взвизгнул от неожиданности, выронил Микки-Мауса, поскользнулся и шлепнулся на пол.

– Доказательства? Вот они! – направленный в сторону прибор сбавлял звук, а в сторону Саши, особенно плюшевой игрушки, завывал громче и громче. – И вообще, если ты не отдашь кулон, я буду ходить за тобой и вот так пищать! Еще нужны доказательства?

– Да что ж вы все злые-то такие, в конце концов... – протянул парень плачущим голосом, шмыгая носом и отряхивая джинсы. – Вот брюки из-за вас испачкал... Не экскурсия, а дурдом какой-то! Я домой хочу, к маме!

Подхватил Микки-Мауса, прижал к груди. Надулся, отвернулся. Не оборачиваясь, через плечо швырнул под ноги кулон.

– Натя, хам невоспитанный! – и, высокомерно задрал голову, стал подниматься по лестнице.

– Благодарю! – улыбнулся профессор. Забавный мальчишка. И видно, что корчит из себя бывалого, а на деле это для самозащиты. Крикнул вслед:

– Молодой человек, вы не хотите изучать археологию? У вас просто удивительные способности к нахождению предметов!

Но парень даже не обернулся. Василий Васильич разжал кулак, снова сжал – так, что оплетка кулона врезалась в ладонь до боли... Нашел. И что дальше? «Привет, зеленый камень. Где же твоя хозяйка?»

Надо идти дальше. Если придется остаться здесь еще на сутки... Не дай бог! Сам тогда лопату возьмет и пробьет себе дорогу. А куда потом? И вдруг... что это? Затарахтел трактор во дворе! А по громкой связи позвали на завтрак!

Профессор спустился вниз, в столовую, и заметил группу экскурсантов, столпившихся у дивана, на котором лежал человек, завернутый в плед. Он подошел поближе и сначала услышал, как кто-то сказал:

– Она сразу показалась мне странной... чокнутая какая-то – все ходила, трогала все руками, будто слепая. Зачем-то ночью на улицу поперлась... Рабочие нашли возле моста – хорошо, что не замерзла!

Интересно, про кого это они? А человек на диване застонал, перевернулся, и Василий Васильич сразу узнал Марго. Он растолкал всех и бросился перед ней на колени.

Марго и профессор Семенов В. В.

– Ты хочешь чего-нибудь? Принести? – спросил Василий Васильич, хотя не представлял, как сможет оторваться от нее. Ему казалось, что отпусти он руку, и Марго опять исчезнет, как призрак.

– Чего же еще? – она засмеялась. – Боюсь отпускать тебя – вдруг что случится? Чувствуешь, замок дрожит – вдруг рухнет и ты потеряешься!

– Пойдем вдвоем, пока там все не съели! Тебе надо подкрепиться!

В столовой сели в уголке, подальше от прочих – никак не могли наговориться. Профессор рассказывал, как искал: как снова вернулся в Лондон уже с прибором отслеживания сигнала после того, как полиция прекратила поиски. Тетка Элизабет была к тому времени уже в коме. Как и говорили раньше в полиции, границу по документам Марго никто не пересекал и билетами на самолет не воспользовался.

– Разве тетя тебе не рассказала? – удивилась Марго. – Вот же стерва... Знала, что если ты узнаешь где я, найдешь и отговоришь... Ее человек отвез меня на машине в Дувр, выдал билет на паром до Кале, оттуда – на самолет до Мюнхена. Неужели она подменила мне паспорт? Я ведь даже не смотрела, что показываю на контроле!

– Из-за какого-то ангела? Просто глупые совпадения, наверное... А мы искали тебя в Англии! Я с этой пищалкой, – он показал прибор, – облазил все, что мог. Людей нанял – пока спал, они ходили... Почему ты не позвонила?

– Я тетке обещала... Она меня вот-такенный договор заставила подписать о неразглашении. Прости! Не думала, что так получится. Но там такая сумма была... – Марго вздохнула, утерла слезы. – Как же ты меня здесь нашел?

– Это потом! Что с тобой случилось? – он махнул девушке из обслуживающего персонала – попросил еще кофе. – Я думал, больше не увижу тебя...

– Я не могу рассказать. Все не могу... Не сейчас...

Профессор вздохнул, прижал ее к себе, поцеловал в макушку.

– Тогда я продолжу! Меня нашел один из слуг твоей тети и рассказал за вознаграждение, что та отправила тебя в Германию, в какой-то замок в окрестностях Мюнхена, а в какой, он не знал. Вот я и ходил от замка к замку...

– Ты мой рыцарь! И ты будешь вознагражден! – Марго засмеялась. – Но сначала, мы разберемся с полицией Мюнхена! Они должны мне полгода жизни... Как только заработает связь, я вызову сюда всех семейных адвокатов!

– Любовь моя, ты меня пугаешь! – вздохнул профессор. Марго тоже вздохнула и решила:

– Когда я уже добралась до замка... Только не пугайся, пожалуйста! Меня сбила машина, – она постаралась успокоить жениха, – ничего страшного! Ушибы, перелом руки. Голову разбила. Я оказалась в кювете и больше ничего не помнила, меня нашел один человек и забрал с собой...

Профессор почувствовал, как она напряглась, обнял, прижал к себе.

– Я потеряла память и была абсолютно беспомощна. Этот человек обманул меня и не сообщил в полицию. Никто не искал меня и никто не знал обо мне... Я жила у него... – она наклонилась к самому его уху, прошептала: – У него. С ним...

Профессор вздрогнул, но не отстранился и обнял ее еще крепче, тогда Марго продолжила:

– А потом его убили, в полиции подумали на меня – я была без документов и имени и ничего не помнила... Меня отправили в больницу для сумасшедших... А потом я... в общем, приехала сюда, а потом вспомнила, что тетя просила привезти статую ангела, что находится в замке...

Марго отстранилась, встала, взяла жениха за руки, посмотрела в глаза:

– Если ты захочешь бросить меня, я пойму...

– Помнишь, ты купила Вернону «Рамаяну»?⁴ Как читала ему? И как Вернон возмутился, когда в конце, после спасения Ситы, Рама заставил ее уйти – народ сомневался в ее чистоте? Вернон тогда был довольно многословен. Он сказал: «Какой дурак-дурак!» Помнишь?

– Да...

– Я не хочу быть этим дураком.

Экскурсанты тем временем тоже собрались в столовой – за нехитрым завтраком из продуктов, что оставались на кухне. Все обсуждали свои сны – они в это утро были у всех и довольно странные. Василий Васильич не обращал на них внимания, у него, если что и случилось, то все по-доброму, Марго прислушивалась, вздыхала, порывалась рассказать что-то, но не решалась. Немного перекусили, пока ждали Марту сообщить, что уезжают, даже выпили вина.

Многие собрались уехать, а кто-то и остаться... Профессор задумчиво посмотрел на невесту:

– Странно, мы провели вместе вчера полдня – были в замке и не встретились.

– Да, – улыбнулась Марго, – я ведь слышала писк прибора! Но думала, в ушах звенит. И вообще, была как в тумане. Да и старалась быть незаметной – кто знает, вдруг они видели передачу про мой побег и узнали бы меня! Ходила в этой шапке на глаза... Что ты на меня так смотришь? Страшная стала, да? Мне надо переодеться!

И она побежала в гардероб за сумкой.

Гардеробщица, с той же недовольной миной протянула Марго куртку и сумку.

– Это не моя! Похожа, но не моя! – ответила Марго. – И вещей тут моих нет!

Гардеробщица настаивала, что именно эту сумку Марго и сдала. Не так много вещей она приняла вчера, чтобы не помнить, что и кто сдавал, эту взяла только потому, что кладь ручная. А знала бы, что там свиная рулька, вообще бы не приняла – столько страху натерпелась!

– Не было там никакой рульки! И сумка не моя! Я вообще мясо не ем...

Профессор подошел, прислушался, Марго перевела ему разговор.

– Понятно! – он хлопнул себя по лбу. – Из-за этой чертовой свинины я тебя и не встретил вечером: гардеробщица сказала, что сумку сдала рыжая, но ты же не ешь мясо, я и подумал, что это не можешь быть ты...

– Скорее всего, я схватила эту сумку в автобусе, который подвозил меня сюда: водитель вез продукты, – ошиблась в спешке! Где же Марта? Хочу скорее добраться до ближайшей гостиницы и целоваться с тобой не при свидетелях!

– Может, ну его, этого ангела? – спросил профессор. Они вышли во двор замка, где рабочие как раз убирали снег на мосту. Одного из них Марго попросила очистить скульпп-

⁴ «Рамаяна» (санскр. буквально – «Путь Рамы» или «Деяния Рамы») – собирательное название индийских повествований о герое (царевиче, затем царе) по имени Рама и его жене Сите

туру от снега и поискать в остальном мусоре отбитые крылья. Профессор достал из портмоне несколько банкнот, передал рабочему.

– Ну уж нет! В договоре четко сказано: сумма моего наследства удваивается, если я привезу ангела! Пусть тетя и умерла, договор все равно в силе. Я столько пережила из-за него!

– Почему – умерла? Тетя была в коме.

– Нет, я знаю: умерла. Но скульптуру мы привезем все равно!

– Красивая какая... – Василий Васильич наклонился, хотел смахнуть снег с каменного лица.

– Бэзил, стой! Не прикасайся! – Марго схватила его за руку, – не трогай никогда! Пообещай мне, поклянись, что не дотронешься? Я замерзла, пойдем назад...

В столовой вокруг Марты собралась группа экскурсантов – брат с сестрой, те, что так похожи на киношных вампиров, и Саша, и еще девушки, и тот белокурый парень, так похожий на портреты баронов в галерее. Все они пытались Марту в чем-то убедить, а она смотрела непонимающими глазами. Марго вклинилась в группу и без околичностей попросила отдать ей статую. Марта сразу согласилась, узнав, что та разбита и лежит в мусоре. Марго улыбнулась, заметив, что Марта смотрит на нее, как на дурочку, мол, пристаёт с такими глупостями...

– Представляешь, любовь моя, они, кажется, хотят остаться! И зачем-то идти в подполье! Нашли там какую-то странную дверь и что-то хотят проверить... – профессор с удивлением оглядывался на шепчущуюся компанию и порывался к ней присоединиться: все-таки он был исследователь, и тайны не давали ему покоя.

– Мы уезжаем. Пойдем поговорим с водителем, может, он посоветует кого-нибудь в городе, кто поможет вывезти скульптуру на вокзал, и пойдем искать тех, кто меня нашел! Я даже не знаю, как выразить им свою благодарность! Заодно попросим их спрятать ангела, пока мы за ним не вернемся.

Эпилог

Марго остановилась на мосту, облокотилась на перила.

– Что случилось? – спросил профессор. – Тебе плохо?

– Нет, иди, я сейчас догоню! – она улыбнулась, дождалась, когда Бэзил отойдет, и достала из внутреннего кармана куртки длинный сверток. Развернула его – нож. Весь в крови брата и сестры Юнгингенов. Она не смогла никому рассказать о своем странном сне и не потому, что чувствовала вину – убила их случайно и защищаясь к тому же. Она даже не знала, сможет ли признаться в этом Бэзилу, не говоря уже о чужих людях.

От замка приближалась еще одна группа уезжающих – спешили на автобус Юргена. Марго разжала пальцы, и нож, кроваво сверкнув на солнце, исчез в ущелье. Вдруг земля вздрогнула, и с деревьев взлетели птицы. Мост задрожал. Марго оглянулась на тучи, сгущающиеся над башнями, и ускорила шаг. Бэзил поспешил ей навстречу.

КАРИНА

Екатерина Саламайкина

https://vk.com/rina_sokol

Эпизод 1

Карина выбралась из экскурсионного автобуса и остановилась как вкопанная. В нескольких шагах находился мост, а чуть дальше замок. Карина поежилась, спрятала голову поглубже в капюшон и отвернулась.

Природа вокруг спала, но сон ее был чуток. Казалось, деревья дышали и перешептывались. Падающий снег скрадывал звуки, но стоило прислушаться, как скрип ветвей мышинным шорохом просачивался сквозь гомон веселой толпы туристов.

На замок смотреть было страшно. Карина постаралась дышать ровно и не обращать внимания на удивленные взгляды людей, спешащих перейти мост и оказаться на пороге ее кошмара. Пар, вылетающий изо рта, смешивался с местным морозным воздухом и возвращался в легкие, наполняя тело дикой смесью ужаса и восторга.

Карина откинула длинные русые косы в сторону, расстегнула куртку, сунула руку за пазуху, нащупала заветный блокнот. Только вот достать его не решилась. Именно из-за этого куска бумаги она здесь и находилась.

Все началось примерно полгода назад, когда Карина нарисовала один портрет. После университета она работала в офисе, по вечерам писала картины, иногда на заказ. Художницей себя не считала, но рисовала вполне сносно. За написанием Карина отдыхала. Вот и в тот раз она просто водила карандашом по листу скетчбука, витая мыслями далеко. Постепенно на бумаге появилось изображение мужчины. Портрет получился на славу, незнакомец вышел по-своему красив, во взгляде читалась нерушимая воля. Карина тогда похвалила себя за хорошую работу и оставила рисунок до следующего вечера.

После работы она решила дописать портрет, но открыв скетчбук, едва не выронила его. На Карину из глубины белой бумаги смотрел все тот же мужчина, но взгляд стал суровым и требовательным, а рука протянута так, словно он собирался схватить девушку и утащить за собой. На заднем фоне сам собой прорисовался замок.

Карина тогда пересилила страх, подобрала блокнот. Вырванный лист полетел в мусорное ведро. Только вот на следующий день рисунок снова появился в скетчбуке.

С тех пор Карина не могла спокойно спать. Пыталась убедить себя, что рисунок появлялся не по воле сверхъестественной силы, и надеялась, что просто страдает лунатизмом. Ведь странные рисунки, которые она не помнила, раньше тоже появлялись. Только в этот раз все было иначе. Этот властный мужчина и странный замок за его спиной снились Карине каждую ночь. И каждый раз она просыпалась в холодном поту. Самих снов не помнила, они оставляли лишь смутные образы и непередаваемое чувство тревоги.

А как-то вечером, листая ленту в соцсети, Карина наткнулась на рекламу экскурсии. На обзорных фотографиях красовался именно тот замок, замок Летцтефестунг. Он был не столь мрачен, как на ее рисунке, и все же чувствовалась рука опытного реставратора – при виде стен из серого камня по телу пробежала мелкая дрожь.

Колебалась Карина недолго, опустошила сбережения, заказала билет. И вот теперь стояла около замка.

Она неуверенно сделала шаг по мосту. Казалось, что ущелье, пролегающее внизу, делило пространство на два разных мира. И сейчас Карина добровольно покидала привычную реальность.

Около дверей замка туристов встретила бойкая девица. Карине в руку сунули буклетик, но она даже не обратила внимания на яркую бумажку. Она не могла оторвать взгляда от массивных дверей, что вот-вот должны были открыться.

На мгновение все звуки исчезли. Морозный воздух застыл, замерли и люди вокруг. Сердце пропустило удар.

Часы пробили полдень.

Двери открылись.

Эпизод 2

Карина сделала глубокий вдох и вошла внутрь замка.

Мир не рухнул. Даже не икнул. Стены продолжили стоять, как и много веков назад. Никто из присутствующих не упал на землю в судорогах. Такая идиллическая картина напугала Карину сильнее разверзнутых адских врат посреди двора, которые она ожидала увидеть.

Поднявшийся шум из-за неразберихи с длительностью экскурсии Карину не затронул. Все необходимое она носила в небольшом рюкзаке за спиной. Да и остаться в замке на ночь боялась.

Организовать большую группу людей не так-то просто, вечно всплывают мелкие или не очень проблемы. Бедная Марта – имя встретившей их девушки повторилось множество раз...

В итоге туристы смирились с ситуацией и последовали на экскурсию, Карина тоже, откровенно скучая. Очаровательная Марта весело щебетала, рассказывая историю замка, демонстрировала экспонаты, сопровождая действие милой улыбкой. А когда предложила пройти в портретную галерею Юнгингенов, Карина внутренне напряглась. Портрет привел ее сюда, значит, портрет и даст объяснение происходящему. Но в галерее ждало разочарование. Ни один из изображенных на холстах Юнгингенов не был даже близко похож на мужчину с ее рисунка.

От отчаяния Карина едва не застонала. Она проделала такой путь, чтобы что? Оказаться в тупике? Да и на что она надеялась? Что мужчина с портрета помашет ей рукой и скажет, зачем сюда позвал? А звал ли он?

Остаток экскурсии Карина не слушала, вглядывалась в лица людей вокруг, но так никого и не запомнила. Когда экскурсантов пригласили за обеденный стол, Карина облегченно выдохнула. Все закончилось, так и не начавшись. Навязчивый кошмар так и остался обыкновенным сном. И с ним теперь можно было что-то сделать. Карина твердо решила записаться на прием к специалисту, как только вернется домой.

К еде она почти не притронулась, достала скетчбук и начала рисовать. Бездумно водила карандашом по бумаге, пока не поняла, что в графитовой штриховке проявляются глаза.

Звякнула посуда, кто-то то ли перевернул тарелку, то ли попытался ее разломить. А следом пронесся странный звук, от которого Карина едва не подпрыгнула. В тарелку напротив села птица, напоминающая пингвина с ярким клювом. За птицей выглянул парнишка в старомодном пальто и с виноватым выражением на лице.

Карина вздрогнула. Именно эти глаза она сейчас рисовала, а ведь заметила парня только секунду назад.

– Патрик Блэкетт... Мичман, – смущенно представился парнишка.

– Э... Карина, – она опустила глаза на скетчбук. – Вы не против, если я вас нарисую?

Патрик оказался не против, все его внимание почти сразу забрала на себя непоседливая птица. Карина рассмотрела странную парочку получше и продолжила работу над портретом. Дело пошло веселее, с натуры рисовать всегда получалось быстрее, линии сами ложились на бумагу, штрихи вырисовывали тени. Совсем скоро с листа на нее смотрел немного смущенный молодой человек, обнимавший пернатого друга.

Рядом подсел довольно активный мужчина, представился Григорием. Его больше интересовала дегустация местных вин, чем происходящее вокруг. Карина вежливо поздоровалась и продолжила работу над портретом. Прервал ее вой усилившегося ветра. Замок, казалось, дрожал от ударов стихии. Стоны старых камней, страдавших под натиском урагана, отражались от стен и эхом разносились под потолком.

Карина посмотрела в окно. Серое море полностью скрыло мир от обитателей замка. Лишь огромные белые мухи с яростью бросались в стекло. Карина представила себя в большом снежном шаре, который как следует потрясли. По коже словно поскакали маленькие разряды статического электричества. Карина даже обрадовалась – возможно это и есть знак, который она так ждала. Только уж очень расплывчатое вышло сообщение.

Оглядевшись, Карина заметила суету персонала. Работники замка пытались сохранять спокойные лица, но напряжение, висевшее в воздухе, ощущалось даже на физическом уровне. Люди за столом быстро сообразили, что творится что-то неладное. А когда объявили о невозможности покинуть замок до окончания метели, началась паника. Попытки организовать расстроенных и напуганных людей успехом не увенчались. Судя по всему, персонал отпустил ситуацию, стараясь следить лишь за сохранностью экспонатов.

Время шло, ничего особенного не происходило, только завывания особенно сильных порывов ветра все чаще заставляли вздрагивать. В замке ощутимо стемнело, словно наступила ночь. И ночь эту, похоже, предстояло провести в замке.

Чтобы хоть чем-то себя занять, Карина перебралась в библиотеку, уверенная, что найдет там укромный уголок для отдыха. Сон приходит не собирался, поэтому Карина отправилась бродить вдоль книжных полок, закрытых стеклом для сохранности книг. Она рассматривала корешки, сама не зная, что пыталась найти. Родословную владельцев замка? А что это даст? Да и прочитать ее она вряд ли сможет: большинство книг были написаны на немецком, который Карина плохо знала. Некоторые томики она все же полистала, правда, ответы на свои вопросы в них не нашла.

Карина медленно брела вдоль полок и слышала только шорох своих ботинок по полу, будто в замке не осталось никаких звуков: лишь звук шагов и стук ее сердца. Ощущение одиночества усиливалось с каждой секундой, а ветер делался тише, словно буря бушевала теперь далеко.

Позади раздался неразборчивый шепот. Настойчивый, проникающий под кожу, рассыпающийся там сотнями ледяных игл. Карина обернулась – за спиной никого. Огляделась. Несколько человек разбились на группы, тихо беседовали, и их голоса были вполне разборчивые и... живые.

Шепот вернулся и прозвучал над плечом. Карина поежилась, накинула капюшон, пытаясь спрятаться от жутких домыслов. Только это не помогло. Никогда не помогало. Пустота внутри заполнялась отчаянием. Карина боялась момента, когда пропасть в душе переполнится и выплеснет во внешний мир скопившиеся усталость, страх и боль.

Карина решила отвлечь себя книгами. Но стоило повернуться к полкам, как из горла сам собой вырвался крик – рядом кто-то стоял. Она разглядела странную тень в отражении стекла. В ужасе Карина обернулась. Но... никого не увидела.

Разговаривающие в стороне люди удивленно посмотрели на Карину, но быстро потеряли интерес и вернулись к беседе. Она снова посмотрела на стекло. И в этот раз ничего странного не заметила: в нем отражались только она и стены библиотеки.

Почудилось? Карина сделала медленный вдох, мысленно убедила себя, что освещение в замке непривычное, игра света и тени могла создать в воображении человека и не таких чудовищ. Она дернула плечами и направилась в пустой угол, не занятый экспонатами. Села прямо на пол, достала блокнот и... едва не выронила его. На свежем карандашном наброске парнишки теперь был изображен милый старичок с веселой улыбкой и горящими детским задором глазами. В руках он держал забавную черно-белую птицу.

Карина давно заподозрила у себя лунатизм. Именно рисованием во сне объясняла появление странных рисунков в своем блокноте. Неужели и сейчас спала наяву? Когда успела заснуть? Что-то похожее уже случилось, когда Карина отдавала всю себя процессу, забывалась и входила в особый творческий транс. Тогда она не замечала пролетевшего времени, почти не помнила, как рисовала. Возможно, и сейчас такое произошло. Только почему же парнишку, кажется, Патрика, подсознание изобразило стариком?

По спине пробежали мурашки. С приездом в замок все стало еще запутаннее. Карина протянула руку, чтобы вырвать лист, скомкать и выбросить. Но замерла. Замковые часы возвестили о наступлении полуночи.

Эпизод 3

По замку раскатом грома прокатился волчий вой. Карина так и сидела, не шевелясь, настроенно вслушивалась, пыталась не упустить ни один посторонний звук. Раздался резкий птичий крик. Карина бы испугалась, услышь его впервые. Но «песня» была уже знакома. Она осмотрелась. Чуть поодаль, на подоконнике, сидел Патрик и кормил свою забавную птицу. Возможно, окутавший все вокруг полумрак дал пищу для воображения или во время обеда Карина не особо обращала внимания на детали, но парнишка показался сейчас еще более необычным. Идеальная осанка, движения, одежда – все было каким-то старомодным. Карина собралась подойти к Патрику и показать портрет, но передумала. Парень и так выглядел крайне растерянным, не стоило еще сильнее его волновать.

«Лучше попытаться вздремнуть», – решила Карина, спрятала блокнот, устроилась поудобнее, насколько это было возможно, и закрыла глаза. Открыть их заставил смех. Карина подскочила, словно на нее вылили ведро ледяной воды, и уставилась на двери, ведущие в коридор: показалось, что смех шел оттуда. Но увидела лишь светильники, тускло мерцающие на стенах. Похоже, буря повредила провода, и в замке упало напряжение.

Карина осмотрелась в поисках смеющихся людей, но стоило отвернуться от коридора, как кто-то снова захихикал.

Звук точно доносился из коридора. И смеялись над ней. Она чувствовала это всей кожей, ощущала на себе внимательный насмешливый взгляд, слышала звонкий смех, заставляющий шевелиться волосы на затылке.

Впервые за долгое время Карина разозлилась. Ярость закипала и требовала выхода, наглецов следовало наказать. Карина поднялась и направилась в коридор. Если она сама не найдет шутника, то отправится к организаторам. Пусть они разбираются с этим безобразием. Решимость пошатнулась, стоило переступить порог.

Коридор казался не просто безлюдным, он выглядел необитаемым, отрицающим присутствие любого живого существа. Ненависть к живому чувствовалась в каждой детали интерьера. Темные пестрые обои источали пыль и бумажную ветхость, воздух был наэлектризован, словно где-то поблизости искрил оголенный провод под высоким напряжением.

Карина с трудом уняла дрожь, пробежавшую по телу. Постояла секунду и все же двинулась дальше, убеждая себя, что это всего лишь коридор и он обязательно куда-то выведет, что найдет шутников и ответит к Марте – будет повод спросить, что происходит в замке.

Спустя несколько десятков шагов Карина осознала, что понятия не имеет, куда следует идти. А за следующим поворотом встретила женщину, которая, похоже, тоже заплутала.

– Доброй ночи! Вы говорите по-русски?

Женщина улыбнулась, протянула руку и представилась, Карина ответила приветствием на русском. Оказалось, что Мани-Фани искала Марту, но согласилась с доводом Карины, который родился в ее голове только сейчас, что персонал наверняка крепко спит и видит уже седьмой сон. А вот выход найти вместе будет попроще.

Спутницы отправились по коридору, освещенному тусклыми светильниками. Ветер, казалось, летал под самым потолком. Его вой заставлял дрожать даже каменные стены. Свет постоянно мигал, пытаясь вторить призрачному реву. Шли спутницы молча, каждый в своих мыслях. Наконец неловкость взяла верх, и Карина нарушила молчание.

– Извините, а вы не знаете, в замке есть портреты помимо тех, что в галерее? Я растерялась, не спросила у Марты на экскурсии.

Но Мани-Фани видела только те же портреты, что и Карина. И все же ее не отпускала уверенность, что на обозрение вывесили не все полотна. Может, отвезли на реставрацию? Вот еще один повод поговорить с Мартой.

Новая знакомая спросила, ищет ли Карина что-то конкретное, и поделилась впечатлениями о картине, которая привлекла ее внимание. Странное полотно изображало рыцаря с опущенным забралом. Портрет без лица... Карина не помнила ту картину, но испытала от него ощущение, будто оказалась рядом и посмотрела на полотно: от рыцаря исходила совершенно другая энергия, не как от мужчины с рисунка, который привел ее в этот замок. Он не нес в себе ни злобы, ни ярости, ни враждебности. Карина всмотрелась в лицо Мани-Фани, ее явно что-то сильно беспокоило. Похоже, не только Карина пришла сюда раскрыть какую-то тайну.

Из глубин коридора послышался вой. Карина вздрогнула и остановилась.

– Боже, что это еще? – выдохнула Мани-Фани.

Свет мигнул, погас на доли секунды и перед спутницами предстал огромный ошестинившийся волк: он низко опустил голову, горящие красным огнем глаза следили за каждым движением. Волк зарычал, обнажил длинные клыки. На пол с оглушительным шлепком упало несколько капель слюны. Карина отступила на шаг. Зверь издал громкий рык, а потом... Произошло что-то странное. Коридор окутал серый дым, и между женщинами и волком возник большой пес. Шуганув зверя, он схватил Мани-Фани за край кофты и потащил в боковой коридор. Карина бросилась за ними, но... уткнулась в глухую стену. Там, куда только что пес утащил Мани-Фани, прохода уж не было.

Карина ударила по стене ладонями, попробовала сдвинуть камень. Тщетно. Обернулась. С противоположной стороны увидела проход в галерею, а ведь та была этажом ниже библиотеки. Странно, они же с Мани-Фани не спускались по лестнице. Карина поискала взглядом волка, тот словно испарился. На автомате она пошла к галерее, всматриваясь в виднеющиеся сквозь проем портреты, но стоило приблизиться к порогу, как над ухом раздался громкий смех. Карина вскрикнула и обернулась. Коридор по-прежнему был пуст.

– Да что тут такое творится!

Усталость навалилась с удвоенной силой, Карина растерла лицо ладонями, она едва стояла на ногах. Пришлось приложить усилие, чтобы сделать шаг к... пустоте. Там, где секунду назад была дверь в галерею, возвышалась стена. Карина попятилась. Глаза потяжелели, коридор закачался волнами, норовя уронить ее на пол. Кто-то толкнул в плечо. Карина обернулась. Никого. Снова раздался смех: холодный и надменный, он отражался от стен, подпрыгивал до потолка и падал на пол, придавливая своей нереальной тяжестью.

Карина закричала. Вопль злости, отчаяния и страха огласил коридоры замка, перекрыв леденящий потусторонний смех. Она наклонилась и уперлась руками в колени, пытаясь отды-

шаться. Вокруг воцарилась полная тишина. Ее нарушали только тяжелое дыхание и бешеный стук сердца. Карина выпрямилась.

Нужно взять себя в руки и найти выход.

Едва переставляя ноги, она развернулась и сделала шаг. От стены отделилась тень и напала на Карину, уронив ее на пол. Свет померк. Последнее, что уловило утасующее сознание: тихий удаляющийся смех.

Эпизод 4

Ощущение твердого холодного камня постепенно проникало в тело, вытягивая сознание из сумрака пустоты. С холодом по полу протекал поток свежего воздуха. Каменная кладка замка никак не сдерживала сквозняк. Ветер, проникший за стены комнаты, немного стирал запах вековой пыли. Вой бури еще слышался, только глухо, словно замок снаружи обложили толстым слоем ваты. Откуда-то сверху бил солнечный свет, яркий до рези в глазах.

Карина перевернулась на бок и сильнее зажмурилась: голова гудела, руки и ноги онемели. Она с трудом открыла глаза и села. Поняла, что по-прежнему находится в замке, в одной из комнат. Только вот ни двери, ни окон тут не было. В дальнем углу на полу стояло огромное зеркало в полный рост. Тяжелая резная деревянная рама от времени растрескалась, лак кое-где облупился, обнажив непрокрашенное дубовое нутро. Серебряный слой оказался изъеден черными пятнами. Ближе к краям пятна сливались в огромные кляксы, через которые уже невозможно было разглядеть отражение.

Карина посмотрела вверх, но тут же зажмурилась и отвернулась. Потолок, возможно, и существовал, но находился очень высоко, и рассмотреть его при всем желании не получилось – вместо люстры будто подвесили солнце. Карина проморгалась и замерла, пытаясь вспомнить, как сюда попала. От воспоминаний вздрогнула, вслушалась в тишину, пытаясь различить волчий вой или смех. Но в комнате царила абсолютная тишина. Карина не знала, как долго так просидела на полу. Время текло медленно, разливаясь по стенам и полу. Оно было почти осязаемо и в то же время неуловимо.

Раздался стук.

Он исходил из зеркала. Кто-то стучал в стеклянную гладь с той стороны. Только серебристая поверхность никого не отражала, кроме интерьеря комнаты.

Карина осторожно поднялась, слегка пошатнулась от головокружения, и медленно подошла к зеркалу. Отражение улыбнулось и заговорило:

– Ну привет, душа моя.

От неожиданности Карина вскрикнула и отскочила назад. Потеряв равновесие, шлепнулась на пол. Отражение повторило падение, но при этом недовольно поморщилось.

– Только давай без истерики. Душа моя, мы хотим лишь поговорить.

Карина в ужасе тарасилась на отражение: оно продолжало сидеть на полу, полностью повторяя позу Карины, и не пыталось подняться. И выбраться из зеркальной поверхности не собиралось. Вроде бы.

Потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить дыхание, еще некоторое время – чтобы унять дрожь в ногах, подняться и, наконец, подойти к зеркалу и остановиться в трех шагах от него.

– Что вам нужно?

Отражение не шелохнулось, лишь улыбка стала шире и довольнее.

– Душа моя, мы так долго ждали тебя, так долго... Ты даже не представляешь, как ты важна.

– Важна?

Карина перебрала в памяти свои достижения, но почему могла быть важна для зазеркалья, не поняла. Сердце бешено заколотилось о ребра, комната медленно поплыла от накотившего головокружения.

– Так это ты звала меня? Зачем?

– Ты даже не догадываешься о своей силе, душа моя, – взгляд отражения потеплел, в нем читались сочувствие и забота. – У тебя есть дар, дар видеть вещи такими, какие они есть. Он нам так нужен. Особенно в сочетании с твоим умением рисовать.

– Чушь! Нет у меня никакого дара!

Карина сжала кулаки, но, когда увидела это же действие в отражении, заставила себя расслабить пальцы, успокоиться и тут она вспомнила недавнюю странность: не о ней ли говорила девушка из зазеркалья?

– Совсем недавно я рисовала портрет парнишки, а вышел портрет старика. Почему?

По комнате разнесся мелодичный смех, отдаленно напоминающий звук бьющегося стекла.

– В этом и есть твой дар. Сейчас этот человек выглядел бы именно так. Он не из нашего времени и оказался у нас случайно. Ты видишь истинную сущность всех, кто перед тобой, душа моя. И передаешь это через рисунок.

Карина запустила пальцы в волосы, дернула за них, словно пыталась вырвать. Это отвлекло от громкого шума крови в ушах, но собраться с мыслями не помогло.

– Что вам нужно?

– Вытяни руку.

– 3-зачем? – Карина в ужасе уставилась на правую руку, не в силах определиться, стоит ли выполнять указания отражения. Лишь спустя секунду осознала, что стоит перед зеркалом с вытянутой рукой.

– Хорошо, душа моя, – отражение сжало кулак, будто что-то схватило, Карина против воли повторила за ним. – А теперь разожми пальцы.

Карина послушалась – с глухим стуком на пол упал синий карандаш. Она наклонилась, подняла его, рассмотрела: с виду обычный карандаш. Слегка потертый. Им явно уже не раз рисовали. Карина вопросительно посмотрела на отражение, которое буквально сияло улыбкой.

– Это наш подарок тебе, душа моя. Рисуй! Это то, для чего ты рождена. Пиши портреты всех, кого увидишь. Всех, кто посмел нарушить наш покой, посмел прийти в наш дом. Пусть их души отныне будут принадлежать бумаге. Рисуй, душа моя. Рисуй их истину. И повелевай ими. Мы встанем позади тебя, мы будем оберегать тебя, мы станем тобой. Мы даруем тебе невиданную силу.

Отражение оскалилось, в глазах заплясали дьявольские огоньки. Девушка по ту сторону зеркала сделала несколько шагов вперед, хотя Карина не шевелилась. Ладони отражения прижались к стеклу.

– Пусть их портреты питают твою силу. Рисуй, душа моя! И приходи к нам!

Карина отшатнулась, пытаясь отойти от зеркала подальше. Позади послышалось рычание. Она обернулась и вскрикнула. Волк! Тот самый, которого она видела в коридоре. Зверь обнажил огромные клыки, облизнулся, опустил голову и медленно направился к добыче. Карина инстинктивно отступила и уперлась спиной в зеркало. Десятки холодных рук схватили ее. Мгновение – и они утащили бы ее на ту сторону.

Карина проснулась с криком. Несколько минут не могла понять, где находится. Вроде бы все так же в углу библиотеки, а вокруг тихо. Похоже, наступил день. Неужели все похождения ей приснились? Карина с трудом поднялась, размяла затекшие ноги. Провести ночь на холодном полу замка было не лучшей идеей. Да и есть уже хотелось. Пора разыскать персонал, узнать последние новости.

Что-то упало на пол, глухо стукнувшись о камни. Карина присмотрелась. Около ног лежал синий карандаш.

Эпизод 5

Еще до того, как карандаш коснулся пола, в голове Карины взорвалась бомба, словно в абсолютной тишине на полную громкость включили радио на волне белого шума. Карина схватилась за виски, от резкой боли потемнело в глазах. Рухнув на колени, она с трудом нащупала под ногами карандаш, и как только коснулась его пальцами, шум стих. Его сменил едва уловимый шепот: «Рисуй, рисуй, рисуй...» Карина ощутила чужое присутствие, будто в голове кто-то сидел и требовал действовать, но она отмахнулась от назойливого шепота, списав странности на нервы, и направилась к лестнице, услышав спасительное приглашение в столовую.

За столом уже собралось несколько человек, среди которых Карина сразу отыскала Патрика. Села с ним рядом. Задумчиво перекатывая в пальцах синий карандаш, попыталась собраться с мыслями.

– Добрый день. А откуда вы родом? – обратилась Карина к Патрику.

– Я... из... – Патрик со вздохом оглядел группу людей. – Издалека... Да. На поезде туда не доехать...

Блокнот, лежавший за пазухой Карины, казалось, начал гореть.

– А сколько вам лет? Извините за нескромный вопрос.

– Патрик! Мы призраков дрессировать будем?! – вклинился в разговор шумный парнишка.

Карина едва не застонала. Ей жутко захотелось взять со стола бокал и запустить им в лоб баламуту.

– Призраков? И многих вы уже надрессировали? – почти прошипела Карина.

– Я? Ни одного! А вы?

– И я ни одного, – вздохнул Патрик. – Радио собрать умею, часы тоже, а призраков... не умею.

Баламут схватил бокал и постучал по нему вилкой, привлекая всеобщее внимание.

– Да хватит уже паясничать, и без вас тошно, – Карина схватилась за голову. Шепот, требующий рисовать, усилился.

– А что? Какие-то проблемы? – баламут посмотрел на Карину с вызовом.

И Карина поняла, что тот напуган почти до смерти. А бравада призвана хоть немного заглушить страх и отчаяние.

– У вас – не знаю. Лишь бы их не было у ваших призраков, – Карина отвернулась от стола, надеясь, что тем завершит разговор, но не тут-то было.

– Вы из одного далека с Патриком приехали, что ли?

– Проницательность – не ваша сильная сторона, – смех вырвался сам собой, будто Карина выдала смешную шутку.

Вот только веселье быстро переросло в истерику. Карина сжала карандаш, смех, увы, не заглушил настойчивый почти ласковый шепот: «Рисуй... нарисуй его... нарисуй его истину... Нарисуй его мир...»

– Н-да, эта точно с катушек поехала... – буркнул баламут, переключая внимание на другого соседа.

Может, она и правда всего лишь сошла с ума? И демон, что шепчет в голове, всего лишь плод больного разума. Значит, ничего страшного не произойдет, если она нарисует этого паршивца. С Патриком же все в порядке – он не превратился в старика, как на рисунке. И с этим парнишкой ничего не случится. Ничего.

«Рисуй! Рисуй! Рисуй!» – возликовал шепот.

Карина неуверенно потянулась к салфетке, но услышала свое имя. Не в голове. Подошла Мани-Фани, тепло и радостно улыбнулась. Карина привычным движением воткнула карандаш в косы вместо шпильки и будто выпустила на волю скрытые воспоминания, ведь они с Мани-Фани и правда встретились в коридоре. Не во сне. Успели даже о портрете пообщаться, прежде чем она пропала...

– Вы... Я вчера вас потеряла.

– О да, простите. Я сама перепугалась тогда, пса сына увидела, за ним побежала.

За ним побежала? Или пес потянул за собой? У Карины в памяти иная картина воспроизводилась.

– Теперь я точно знаю, что мой сын, Герман, здесь с семьей. И тот портрет с рыцарем точно имеет к нему отношение. Хочу расспросить Марту...

– Подозреваю, тут у многих возникли вопросы к Марте.

У Карины так их становилось все больше. Например, откуда в стенах замка появился волк? Люди и за порог-то выбраться не могли из-за метели и снежных заносов. Получается, зверь забрался сюда до начала бури? Впрочем, какая разница. Сейчас Карину сильнее волновало другое.

Шепот в голове жужжал разъяренными осами, лишившимися законного лакомства. Зуд нарастал, вызывал желание разодрать глаза, выскрести из черепа шелестящую копошащуюся массу. Буря эмоций разрывала грудь, причиняла физическую боль. Хотелось выплеснуть всю эту мешанину на холст, выудить из души и оставить на клочке бумаги. Отдать ужас, холодящий изнутри, краскам. Они сохраняют, они оградят. Они...

Столовая постепенно заполнялась. Люди шли и шли, шумели, ругались, ворчали. Но Карина не могла сосредоточиться на разговорах. Чтобы хоть как-то успокоить несмолкающий шепот, начала представлять, как рисует портреты каждого из собравшихся. Планируемые картины сперва ничем не отличались от обычных изображений. А потом... Потом Карина поняла, что вон того мужчину она нарисовала бы с копьем в руке и с огромным медведем позади. Только так и не иначе. А ту странную женщину... нарисовала бы не человеком. Карина слабо представляла, что это за существо, но к людям оно отношения точно не имело.

Вот, видимо, о чем говорило отражение: она зарисовывала на портрете истину. И если истина такова, то... Карина съежилась, боясь представить, среди каких существ сейчас находилась. Ее забила мелкая дрожь, на лбу выступила испарина. Шепот стих. Но подступающая паника сводила с ума не меньше, чем назойливый голос в голове.

Карина осмотрела присутствующих, взгляд упал на странную пару в углу, попивающую вино из бокалов. Только вот вино какое-то слишком густое. Представив их рисунок, Карина увидела, что девушку окружали тени, а парень, похоже, имел звериную сущность. С крыльями. Карина сглотнула комок. Подошла к парочке и обратилась к девушке:

– Кто ты? Вокруг тебя тени, и ты их не боишься.

– Это моя работа – разговаривать с тенями. И не только...

Даже такой ответ оказался большим, на что можно было рассчитывать. Проблеск надежды, что это «не только» – то, что Карина искала, едва не заставил заплакать. Она вытащила карандаш из кос и протянула:

– Ты знаешь, что это?

Едва зародившуюся надежду разорвало в клочья. Девушка не ответила. Карина сжала карандаш в кулаке и вернулась к столу, вместе с ней вернулся и шепот, он переплетался и смешивался с голосами в столовой, пока спутник девушки, окруженной тенями, не взял слово. И это слово сработало, как искра. Отчаяние Карины переродилось в злобу. Ярость буквально вырвалась наружу, заставила Карину вскочить и, ни слова не говоря, выбежать из столовой.

Она брела по коридору, не видя ничего перед собой. В ушах стоял нескончаемый звон. Она не сразу поняла, что ее кто-то окликнул, и этот кто-то существовал не в ее голове.

– Карина! Подождите. Я хочу еще раз посмотреть на тот портрет рыцаря. Составите компанию?

– А... – Карина поморгала, посмотрела на Мани-Фани и на ее плечо, вернее, на того, кто на это плечо взобрался. – Что ты знаешь о своем питомце?

– В смысле? Это дегу...

Карина хихикнула. Представила, как бы нарисовала эту странную белку, и... в воображении на холсте появлялось все, что угодно, кроме белки. Та будто что-то почувствовала, юркнула с плеча хозяйки на пол и убежала.

– Это не дегу, – Карина вздохнула, едва не завыв от отчаяния. Неужели никто не видит очевидного, никто не признает, что в этом замке творится самая настоящая чертовщина? Карина растерла лицо ладонями, пытаясь стряхнуть наваждение. – Ладно... Пойдем.

По пути Мани-Фани рассказала про собаку сына, которого ищет, про сон. Но все слова опадали осенними листьями, едва долетая до Карины. Она с трудом улавливала смысл разговора. слышала только надоедливое: «Рисуй, рисуй, нарисуй ее, пусть она обретет то, что ищет, создай для нее мир, нарисуй ее, и получишь ответы, рисуй».

«Одержима, – мелькнуло в голове Карины. – Я просто одержима».

Чтобы ослабить натиск демона, Карина приложила синий карандаш грифелем к стене и прочертила линию по пути движения. Та мгновенно почернела и начала тлеть, оставляя после себя опаленную борозду. Мани-Фани пробормотала:

– Безумный художник.

Не про случайную спутницу она это сказала, Мани-Фани упомянула что-то свое, но Карина снова хихикнула: именно так можно было сейчас назвать ее.

До библиотеки они не дошли. На лестнице встретили дегу, он явно дожидался хозяйку. В руки не дался, побежал в галерею и сел около странной картины.

– Молодец, Плутишка! Вот про этот портрет я говорила.

Мани-Фани обрадовалась, что-то еще добавила, но Карина не могла оторвать взгляда от дегу. Еще и гул в голове усилился так, что заглушил то, что сказала Мани-Фани.

– На нем нет забрала, – Карина понадеялась, что фразой попала в такт беседы.

Картина казалась обычным портретом. Разве что... Разве что изображенный мужчина уж очень был похож на Мани-Фани. Неужели это и правда сын, которого она искала?

– Вы тоже это видите? – Мани-Фани посмотрела на Карину с надеждой.

– На нем нет забрала... – повторила Карина и улыбнулась внезапной идее, пробравшейся сквозь гул и гомон. – А давайте спросим нашу безумную белку. Помните, была такая из мультика? Орехи прятала... – Карина замолчала, увидев недоумение Мани-Фани, и смущенно отвернулась. – Это не белка. Попросите ее что-нибудь сделать.

– Что?

– Да что угодно. Станцевать. Фокус показать.

Шутку Мани-Фани не оценила, но проверить белку все же решила.

– Ну, давайте попробуем... Плут, найди мне Ладушку!

Дегу пискнул и привел хозяйку к новому портрету. Карина отметила сходство новой знакомой и изображенной с холстом в руках девушки. Мани-Фани наградила белку кормом и... достала из рюкзака свернутый в рулон холст.

Холст! Голоса в голове Карины возликовали. На лбу выступила холодная испарина. Холст... Как же сильно захотелось взять в руки кисть. Ноздри защекотал знакомый запах, словно кто-то разлил масляную краску. Карина вырвала из рук Мани-Фани холст. Знакомая текстура под пальцами почти убаюкала. Шепот смолк, затаился в ожидании. Карину словно окатили ледяной водой. Смущенно глянув на спутницу, Карина оправдалась:

– Холст. Старый. Как на картине. Смотрите, пятна такие же и тут вот потертость.

Девушка на портрете действительно держала такой же холст и кистью указывала на него. А там... Там была изображена семья во главе с Мани-Фани.

«Картинка в картинке», – мелькнула мысль. Карина хихикнула, а слова без спроса слетели с губ, озадачив спутницу.

– Точно! Именно такой портрет я видела во сне в руках сына! И уже начинаю сомневаться, что это был сон...

Карина села на пол, скрестила ноги, попыталась представить, как рисует людей, изображенных на холсте, саму Мани-Фани. Но... ничего не выходило. Карина вздохнула и достала скетчбук.

– Знаешь, я вижу кое-что, когда рисую. Вот. – Карина нашла страницу со стариком и птицей. – Это Патрик. Он не из нашего времени. Я сомневалась, но... В общем, когда я представляю, как кого-то рисую... Даже в воображении рисую их такими, какие они есть на самом деле, без масок. Тебя мне хочется нарисовать с семьей, – Карина спрятала лицо в ладонях. – Холст есть, еще бы кисть, как на картине найти...

– А может им нарисовать? – Мани-Фани выхватила синий карандаш.

Карину накрыла адская боль, голову словно разломали изнутри, глаза заволокло красным искрящимся маревом, позвоночник скрутило, она уже готова была распластаться на полу, скорчиться в агонии, но отчаянным рывком вернула карандаш себе.

– Не смей его трогать! – ярость вспыхнула так сильно, что Карина едва сдержалась, чтобы не оттолкнуть Мани-Фани. – Нам нужно что-то другое.

Карина спрятала карандаш в волосы, поднялась, и поток воздуха перевернул страницу блокнота.

– Кто это? – голос Мани-Фани дрогнул от волнения. Она с ужасом уставилась на страницу с мужчиной на фоне замка.

– Не знаю. Я его уже полгода рисую, не могу избавиться от образа.

– Этот мужчина... Это же безумный художник, только моложе.

Карина замерла. Что за безумный художник? И при чем тут она? Что происходит? Сердце перестало биться, да и дышать она не могла. А Мани-Фани будто и забыла, что ляпнула, перевела взгляд на картину с девушкой и буркнула:

– Так, я поняла. Раз холст такой же, то и кисть должна совпадать.

Посмотрела на белку, и та, будто поняла невысказанную просьбу, пискнула и побежала прочь из библиотеки. Мани-Фани последовала за ней, Карина тоже. У камина дегу в нетерпении запрыгал, указывая на одно из поленьев.

Карина замерла – под копотью что-то зашевелилось, и раздалось рычание. Мигнули красные огоньки, из камина выступили волки, а за ними следом шагнула высокая черная фигура. Стоило свету дня коснуться ее, пепел и сажа слетели и растворились в воздухе, открыв лицо мужчины с рисунка Карины. Перед ней стоял тот самый безумный художник. И настроен он был враждебно.

Волки опустили головы, приготовились атаковать. Мани-Фани прижала к груди полено, которое успела выхватить, белка юркнула за камин, махнула хвостом, но не пыль подняла, а серый дым, из него сформировался готовый защищать свою хозяйку огромный пес. Мани-Фани в растерянности переводила взгляд с огромного дога на призрака из очага и волков. Карина поняла, что пес не сможет их удержать. Выругалась, в два прыжка оказалась рядом с Мани-Фани, схватила за руку и потащила к ближайшей двери, которая вела в гостиную.

Вой смешался с яростным лаем и визгом – дог пошел в атаку.

Карина вбежала в гостиную первая, Мани-Фани следом, едва не свалившись на пол, за ними успел влететь пес. Карина сразу же захлопнула дверь, подперла спиной, и в нее тут же врезались с такой силой, что едва не сломались доски. Атаки на дверь продолжились. Послы-

шался хруст дерева. Крепления начали вываливаться. Долго они не продержатся. Карина попыталась найти укрытие в комнате, но, судя по всему, выхода отсюда не было.

Мани-Фани что-то сняла с шеи и повесила на дверную ручку. По ту сторону послышался разочарованный вой. Дверь перестало трясти. Карина ошарашено отступила на шаг и посмотрела на амулет. Это была ладанка. Самая обычная ладанка. Жаль, амулет остановил лишь волков. Шепот в голове Карины перерос в крик.

«Рисуй! Нарисуй ее! Нарисуй!».

Ее наказывали, карали за неподчинение болью. Мозги закипали.

Карина едва устояла на ногах. За спиной послышалась возня. Мани-Фани протянула кисть. Ту самую. С картины. И она начала извиваться, будто в воздухе рисовать. Мани-Фани что-то спросила, а Карину окутала невыносимая боль. Ее бутон расцвел и опал, разбрасывая лепестки мучительной агонии.

– Рисуй! – приказала себе Карина и поймала кисть.

Комната потемнела. Звуки вокруг пропали. Мир сузился до маленького пузыря, застеленного изнутри острыми шипами. Сколько это продолжалось? Карина не знала. Время перестало отмерять секунды, вытянулось в длинную нескончаемую линию и обвилось вокруг горла, не давая сделать вдох. Карина создавала картину, следуя зову подсознания и тому, что подсказывала реальность. Неожиданно все прекратилось. Комнату наполнил щебет воссоединенного семейства. Счастливая Мани-Фани стояла в окружении родственников, позади них сияло нечто, похожее на залитое ярким светом окно.

Карина едва не рухнула на колени. Картина, открывшаяся перед ней, должна была бы вселить надежду. Но вышло наоборот. Что-то внутри Карины надломилось. Что-то там, на грани разума, выпустило на свободу пустоту, и вакуум принялся пожирать остатки чувств и мыслей. Карина почти физически ощутила, что демон... или призрак появился за плечом. С ухмылкой. Он проиграл одну битву, но жертву свою не оставит. Он никуда не денется. Так и будет преследовать. Было большой ошибкой приезжать в этот замок.

Карина вздрогнула. Мани-Фани позвала уйти с ними в портал из этого чертова места. От мысли о возможности покинуть замок Карину прошиб холодный пот. Она сглотнула комок и замотала головой.

– Нет. Уходите! Мне нужно кое-что здесь закончить.

Вокруг началась суета: с только что нарисованной картины сошли люди, стали чертить печать, чтобы отпугнуть волков. Мани-Фани не прекращала уговаривать Карину пойти с ними. Но она не видела и не слышала происходящее, будто оказалась в собственном пузыре, где воздух и время стали тягучими, словно патока, а шум извне доносился приглушенным и искаженным. Карина даже дышать нормально не могла, опасалась, что тяжелый плотный воздух заполнит легкие и удушит.

Ее перестали пугать волки. Карина догадалась, что те намеревались остановить Мани-Фани, но их явно ждал провал. У призрака же на Карину были совсем иные планы. Когда дверь распахнулась, Карина почти выбежала из комнаты. Не попрощалась. Не обернулась. Лишь оказавшись далеко от счастливого семейства, смогла сделать нормальный вдох. Хотелось разреветься, но слез не было, пустота поглотила их, как и все остальное.

Карина бродила по замку на едва гнущихся ногах, из-за головокружения она то и дело задевала дверные косяки, мебель. Эхо доносило крики и грохот. Каменные стены сотрясались, словно земля под замком вставала на дыбы, пытаясь сбросить со спины тяжелого седока. Карина коснулась карандашом стены и продолжила путь, оставляя огненными всполохами волнообразные линии и петли. Они тлели, разрывая ткань гобеленов и бумагу обоев. Они не несли смысла. Больше ничего не несло смысла. Лишь пустота впитывала в себя звук шагов. Никаких мыслей, никакого шепота. Все смолкло так внезапно, что тишина превратилась в гнетущее одиночество.

Карина потеряла счет времени, не поняла, как вернулась в библиотеку. В центре комнаты увидела огромное зеркало в полный рост в деревянной резной раме. В нем ее ждало отражение. Карина медлила лишь мгновение, шатаясь и спотыкаясь, подошла к зеркалу, села на голый пол, скрестив ноги – отражение сделало то же самое. Карина внимательно вгляделась в лицо в зеркальной глади: кожа побледнела, губы приобрели фиолетовый оттенок, глаза впали и очертились темными кругами. Сейчас лицо больше походило на череп с тем же жутким оскалом. Карина коснулась пальцами губ, пытаясь определить, эта жуткая улыбка находится только в зеркале или оно в этот раз показывало реальность. Отражение действие повторило.

– Я знаю, кто ты, – Карина опустила глаза на карандаш, который перекатывала в пальцах. – Не знаю твоего имени, но знаю, кто ты. Безумный художник.

Улыбка отражения стала еще шире.

– Мы создаем миры, огромные прекрасные миры на холстах, – голос отражения слегка дрожал. – Мы наполняем их обитателями. Разве это не благо для них – оказаться в собственной мечте, уйти из этого полного страданий мира? Рисуй, душа моя. Нарисуй их. Освободи их.

Замок снова вздрогнул. Отголоски битвы ветром пронесли по коридорам и комнатам.

– Безумный художник, скажи, они сломали тебя или ты сам пошел на сделку?

– Это не имеет значения, душа моя. Ничто не имеет значения, кроме той жизни, которую мы рисуем. Картины оживают, если на них запечатлена истина, – отражение вздрогнуло и прислушалось. – Скорее! Времени больше нет! Рисуй! Рисуй их истину! Подари им лучший мир!

Карина поискала блокнот, но карманы оказались пусты. Из глубин тягучего омота, в который превратились ее мысли, всплыло воспоминание, что скетчбук должен быть тут, в библиотеке. Но подниматься и искать его не хотелось. Любое движение встречалось бурным протестом ноющих мышц. Карина готова была упасть на холодный пол, прижаться к нему щекой и заснуть. Забыться в абсолютной темноте, и пусть та будет населена хоть кошмарами, хоть безумными художниками. Лишь бы тьма опустилась на зудящие от усталости глаза.

Карина посмотрела на синий карандаш и прижала грифель к каменному полу.

– Верно, душа моя! Рисуй! Освободи их! – возликовало отражение. – Освободи окруженную теньями, освободи, нарисуй ей лучший мир.

Карина улыбнулась. Видимо, дела у хозяев этого безумца шли неважно, раз он так настойчиво хотел избавиться от противника. Ну и ладно. Карина продолжила рисовать.

Не спеша, уверенно проводила линию за линией, штрихуя и растушевывая. Она рисовала и чувствовала, словно с плеч крошка за крошкой скатывалась огромная бетонная глыба. В голове постепенно прояснялось, но возникало новое ощущение, ощущение воздушного шарика. Череп словно накачивали гелием.

Рисовать новый мир, истинный, получалось легко. Портрет быстро обретал знакомые черты.

– Ты что делаешь? Идиотка! – глаза отражения округлились, в глубине зеркала послышался рык спешащих на помощь волков.

– Рисую! – тихо пробормотала Карина, ее голос слабел, тело становилось все невесомее. – Рисую твой портрет.

– Я – это ты! – выкрикнуло отражение, бросаясь вперед.

Волчьи морды высунулись из-за рамы. Горящие красным звериные глаза сфокусировались на тающей девушке. Клыкастые пасти раскрылись, чтобы схватить за руку, но, щелкнув, сомкнулись на пустоте. По замку пронесся наполненный бессильной яростью вой.

«Так даже лучше», – пронеслась последняя мысль в голове Карины прежде, чем все вокруг замерло в бесконечности, а ее мысли превратились в твердый каменный монолит, из которого состояли стены замка.

Зеркальная гладь, потерявшая отражение, почернела. Дерево рамы осыпалось трухой. Через несколько секунд от зеркала не осталось и следа. Единственным напоминанием о слу-

чившемся остался портрет Карины, нарисованный синим на холодном камне пола, и карандаш со стертым грифелем.

МАНИ-ФАНИ

Бекиш Елена Аркадьевна

<https://vk.com/id15023668>

Мани-Фани убирала со стола. Она только что проводила подруг, которые пришли поздравить ее с выходом на пенсию. Настроение плавало от легкой грусти по оставшимися за плечами годам работы до приятной теплоты от визита подруг. Ох и нахотались они!

– Мы уж думали, что ты до конца своих дней пахать будешь! – голосила баском с хрипотцой подруга детства Зинка.

– Колись, чем займешься на пенсии, трудоволия наша, – вторила ей Галка, коллега по работе.

– И как ты теперь без всех этих праздников, сценариев, концертов? – перебивала Галину Нюра, учительница литературы, с которой дружили уже полвека.

– И правда, как? – задумалась Мани-Фани.

Работа заполняла все ее время, особенно последние годы. Мужа не стало десять лет назад. Сын вырос, женился, уехал с женой и внучкой работать в Испанию и там остался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.